

Константин Мацан

ЧУДО

Свидетельства и опыт
современных священников

Свидетник
Михаил Таганов

Протоиерей
Георгий Бреев

Протоиерей
Сергий Правдолюбов

Протоиерей
Игорь Фомин

Протоиерей
Алексей Емельяков

Священник
Сергей Круглов

Протоиерей
Павел Великанов

Константин Михайлович Мацан
Чудо. Свидетельства и опыт
современных священников
Серия «Открывая Православие»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36620592

Чудо. Свидетельства и опыт современных священников:

ISBN 978-5-91761-867-8

Аннотация

Спаситель говорит нам словами Евангелия: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит». Но есть ли сегодня та евангельская вера, что способна передвигать горы? Почему нам так трудно поверить в самую возможность чуда? Чего хочет от нас Бог, когда говорит на языке чудес? С этими и другими вопросами журналист и публицист Константин Мацан обратился к семи известным православным священникам, которые на страницах книги делятся своими мыслями. И, что особенно важно, они делятся личным и пастырским опытом переживания чуда — настоящего евангельского чуда сегодняшнего дня.

Содержание

Предисловие	5
Дельфины и стоп-кран, или Почему так трудно поверить, что чудо существует	8
Где найти «волшебную палочку», или О потребительском отношении к чуду	24
И вдруг роза закачалась, или Как сотворить чудо для другого?	38
В снах он пересказывал Евангелие, или Есть ли жизнь после чуда?	55
Ощутить дыхание жизни, или Чудо как вразумление	74
Почему на Луне не бывает чудес, или Чудо как изменение человеческого сердца	94
О том, что чуда нет, или О том, что чудо есть	112
Об авторе	134
Об издательстве	136

Константин Мацан Чудо. Свидетельства и опыт современных священников

© Мацан К.М., 2015

© Издательский дом «Никея», 2015

© ООО ТД «Никея», 2018

* * *

Предисловие

Это – книга-парадокс: она о том, чего для «здравомыслящего человека» не может быть, и о том, что точно есть, потому что каждый «здравомыслящий» в глубине души это чувствует. Ведь если в нашем языке есть слово «чудо» – значит, чудо существует. А если чудо существует – значит, это кому-нибудь нужно.

Это – книга-исследование: главный вопрос, возникающий в разговоре о чуде, – «для чего оно дается?». Какое место чудо занимает в нашей жизни здесь и сейчас? Как связаны великие чудеса Христа, о которых мы знаем из Евангелия, и простые чудеса, которые случаются с нами в повседневной реальности? Как вообще связаны чудеса и реальность? Какое место чудо занимает в отношениях человека с Богом?

За ответами на эти и другие вопросы мы обратились к православным священнослужителям. И вместе с ними прошли путь с семью остановками.

1. В интервью с протоиереем Сергием Правдолюбовым мы пытаемся понять, почему нам – людям, живущим в век фантастических технологий, – иногда так трудно поверить, что чудо существует.

2. А поверив, мы тут же решаем извлечь из чуда выгоду – и подходим к нему потребительски. Об этом мы беседуем с протоиереем Алексеем Емельяновым.

3. Может ли человек, преодолев собственную меркантильность, сотворить чудо для другого? Существует ли «технология достижения чуда»? На эти вопросы отвечает протоиерей Игорь Фомин.

4. Чудо, свершаясь и взрывая привычный ход нашей жизни, ставит перед нами проблему, что делать дальше. Как жить в изменившейся реальности? Есть ли жизнь после чуда? Об этом рассказывает священник Михаил Таганов.

5. Мы привыкли ассоциировать чудо с избавлением или удачей. А как относиться к тому, что чудо бывает болезненным? О таких «неформатных» чудесах мы говорим с протоиереем Георгием Бреевым.

6. Чего хочет от нас Бог, когда говорит на языке чудес? Как связаны явления чудес – и состояние человеческого сердца? Об этом размышляет священник Сергей Круглов.

7. Если мы считаем чудом то, что кажется нам невозможным, и при этом верим в Бога, для которого ничего невозможного нет, то что вообще такое – чудо? И как связаны вера в чудо – и вера в Бога? Об этом мы беседуем с протоиереем Павлом Великановым.

Каждое из этих интервью предваряется отрывком из Евангелия – описанием чуда, сотворенного Христом. Это служит своего рода точкой входа в дискуссию. А еще по-своему объясняет, почему та или иная тема по-настоящему волнует. Ведь Евангелие, рассказывая о событиях двухтысячелетней давности, говорит о нас сегодняшних.

И наконец, это – книга-разоблачение. Наши герои просто делятся своим личным опытом, рассказывая о чудесах, которые случались с ними и с их прихожанами, о том, к каким открытиям эти чудеса подвигли. И смысл этих рассказов отчасти в том, чтобы чудеса... разоблачить. То есть ответить на вопрос, какова природа чуда – его внутренняя логика, его генезис, механизм его осуществления. А для этого прежде всего нужно в существование чуда поверить. Ведь невозможно постичь то, что для тебя не существует...

Мы – автор и издатели – разрешаем себе надеяться, что в этих чудесных историях – в прямом и переносном смысле слова – читатель узнает себя.

Константин Мацан

Дельфины и стоп-кран, или Почему так трудно поверить, что чудо существует

Беседа с протоиереем Сергием Правдолюбовым, настоятелем храма Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве, доктором богословия

«У одного сотника слуга, которым он дорожил, был болен при смерти. Услышав об Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин просить Его, чтобы пришел исцелить слугу его. И они, придя к Иисусу, просили Его убедительно, говоря: он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу. Иисус пошел с ними. И когда Он недалеко уже был от дома, сотник прислал к Нему друзей сказать Ему: не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой. Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился ему и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: сказываю вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры. Посланные, возвратившись в дом, нашли

больного слугу выздоровевшим».

Евангелие от Луки, 7: 2–10

Почему так трудно поверить, что у Бога нет ничего невозможного? Почему, чтобы носить в сердце эту простую мысль, нужно что-то в себе преодолеть – как будто переступить через барьер? Ведь, казалось бы, это знание должно даваться легко – оно же окрыляет, вдохновляет, укрепляет и успокаивает: дескать, что бы ни случилось – у Бога все под контролем... Но нет – оказывается, маловерным быть привычнее. На этом фоне читаешь в Евангелии о капернаумском сотнике – и поражаешься: откуда, ну откуда у него такая вера – мгновенная и неколебимая? Какими внутренними силами нужно обладать, чтобы сказать: Господи, верю, что достаточно одного Твоего слова – и все изменится... Сотник услышал о Христе впервые – и сразу поверил в возможность чуда. А я – который призван помнить о Христе ежедневно и у которого за плечами две тысячи лет христианской цивилизации – изо дня в день оказываюсь маловерным. В чем же секрет этого сотника?

– Отец Сергей, а вам самому когда-нибудь случалось сомневаться в возможности Божественного чуда?

– И да, и нет. С одной стороны, я вырос в семье священника, и поэтому сомнения в существовании Бога, а значит, и чуда у меня никогда не было. Мне даже хотелось выйти на улицу с диктофоном и искренне поговорить с неверующими:

«Как вам удастся не верить в Бога?» Для меня в обосновании нуждалось не то, что Он есть, а, наоборот, то, что Его может не быть. С другой стороны, все мы так или иначе впадаем в маловерие – в том числе и в отношении к чудесам. Было такое и со мной – это касалось чтения житий святых.

Есть удивительное житие святых Мартиниана, Зои и Фотинии (память 13/26 февраля). Его иногда с доброй иронией называют «романтическим». Мартиниану – монаху-подвижнику – не везло с покоем и тишиной: ему на пути постоянно встречались женщины. Зоя поспорила с какой-то своей подругой, что сможет монаха совратить. В один дождливый день она постучалась к нему в уединенную келью, находящуюся в пустыне далеко от монастыря, и попросилась погреться – мол, промокла, замерзла... Мартиниан пустил, а она скинула с себя верхнюю одежду, предстала перед монахом в своем самом блистательном наряде – и стала склоняться к блюду. И настолько она была интересной и привлекательной, что Мартиниан, очень долго борясь с помыслами, все же сдался и внутренне решился на грех. Надо было выйти из кельи – посмотреть, не идет ли кто. И вот он вышел, увидел пустыню, вспомнил, ради чего он сюда удалился, – тут же раскаялся в своих помыслах и возопил: «Господи, прости меня!» Недалеко от кельи тлел костер, на котором Мартиниан недавно готовил еду. Монах встал босыми ногами на угли и стоял, преодолевая боль. Это увидела Зоя, испугалась, закричала, стала просить прощения у него и у Бога. Она ушла

со слезами и сама впоследствии стала не только монахиней, но и святой, прославленной Церковью.

После этого Мартиниан решил: от женщин надо держаться подальше. И уехал на уединенный остров, куда заплывали только рыбаки. Но однажды в бурю проходящий мимо корабль потерпел крушение, и на берег выбросило еле живую обнаженную девушку Фотинию. Мартиниан понимал: если он не окажет ей помощи, будет виноват перед Богом в ее смерти. Если окажет и возьмет к себе – будут те же ужасные искушения. Он все же принес ее в свою келью, положил в кровать, долго выхаживал, кормил и отпаивал чаем с травами, чтобы девушка выжила. И когда состояние девушки, говоря современным языком, стабилизировалось, он сказал ей: «Не бойся, вот тебе еда и питье, скоро приедут рыбаки и тебя заберут. А я здесь больше оставаться не могу».

И дальше – самое странное: житие рассказывает, что Мартиниан пошел на высокий обрыв над морем, перекрестился и бросился в воду. Вряд ли это было попыткой самоубийства – но ведь и поплыть куда-то далеко, скажем, на другой остров истощенный монах-аскет вряд ли смог бы. И тут, как говорится в житии, его подхватили два дельфина, понесли по воде и помогли достичь берега.

Сейчас этому легко веришь, но я-то читал это еще в свои школьные годы – в середине 1960-х. А в то время о дельфинах мы ничего не знали. О них ни слова не было в советской прессе: дельфины считались военным секретом – их пыта-

лись тренировать для борьбы с вражескими кораблями. Но когда поняли, что ничего особенного в этом плане дельфины не могут, тема вышла из подполья – и говорить о дельфинах начали повсеместно, буквально дельфиний бум какой-то...

Так вот, когда я читал о том, что дельфины подхватили Мартиниана и понесли по воде, – я не поверил. Подумал: «Что-что, а уж это – точно сказки». Женщина, угли, кораблекрушение – это еще можно понять. Но дельфины, которые подхватывают человека, – это «чудеса». Каково же было мое удивление, когда через пару лет в «Комсомольской правде» стали писать о дельфинах и о том, что они ручные, что любят и спасают людей. Вот каким маловерным я оказался.

С тех пор, что бы мне ни встретилось в житиях святых, я не спешу сомневаться. Вдруг я просто чего-то об этом мире не знаю, что другие люди – более опытные в своих областях – уже давно изучили. Так я взял себе за правило: «Верь тому, что в житии написано».

– Вы говорите о житиях святых – о текстах весьма специфического содержания. Но ведь наша повседневная жизнь – не житие. Как здесь быть с маловерием?

– Но ведь святые тоже жили своей повседневной жизнью – зачем же так разделять? Могу привести пример, как житийная литература отразилась в зеркале жизни.

В одном замечательном сказании описан такой случай. Монах поздно вечером возвращался из города в монастырь –

и вдруг ему навстречу идет необыкновенной красоты блудница. Он понимает, что может не устоять, – и начинает горячо молиться: «Господи, молитвами моего духовного отца, помоги мне!» А дальше в тексте черным по белому написано, что в одно мгновение монах был перенесен к воротам монастыря, до которого оставалось еще примерно шестьдесят километров.

Мне скажут: «Это выдумка». А я отвечу: «Не спешите, давайте порассуждаем». Почему мы думаем, что Бог сотворил человека неспособным покорить пространства неземными методами? Почему мы решили, что человеку непременно нужно металлическое сооружение с крыльями и страшными гудящими двигателями? Почему такой примитив? А вдруг в раю было по-другому? А вдруг этот эпизод и появился в жизни потому, что в раю человек мог мгновенно перемещаться в пространстве? Ведь до грехопадения Адам был царем природы, и только согрешив, отпал от Бога, от Его замысла о человеке – и тем самым подчинил себя земным физическим законам и причинно-следственной связи. А может, когда тот монах взмолился и попросил Бога о помощи, Господь применил к нему законы и реалии, которые существовали в мире до грехопадения?

Однажды, когда в середине 1970-х годов я служил иподиаконом у Патриарха Пимена в Богоявленском соборе, к нам на службу пришел моряк. Мы разговорились, и он рассказал о случившемся с ним событии, которое он никак не мог ра-

ционально объяснить. Причем моряк не был похож на фантазера.

Советские военные вообще были большими реалистами. И он рассказал, как крупный военный корабль, на котором он служил (моряк назвал его и описал), начал терпеть бедствие в Тихом океане. И тогда члены экипажа, которые верили в Бога – это в те-то годы! – взмолились святителю Николаю. Поразительно, но откуда-то советские моряки знали, что покровитель мореплавателей – святой Николай. И вот – как объяснял мой собеседник – в одну секунду военный корабль перенесся из Тихого океана в Индийский. То есть все приборы вдруг однозначно показали, что корабль находится в Индийском океане. Все это признали, но никто не мог объяснить, что произошло.

Я уверен, что читатели скажут: «Ну, уж это точно сказки». Само собой, в рассказе моряка можно сомневаться. И вообще – верить или не верить в такие вещи, каждый решает для себя сам. Но я лично в этот рассказ поверил по одной простой причине: если я верю, что Господь применил законы, действовавшие в мире до грехопадения, к монаху, о котором я только что рассказывал, почему я не должен верить, что то же самое Господь может явить в жизни обычных людей? Молитва же была!

После своей истории с дельфинами я уже не спешу врубать «стоп-кран».

– А в чем вообще причина маловерия? Ведь, казалось бы, это должно быть так желанно и радостно – верить в то, что у Бога нет ничего невозможного. Но человеку это так трудно дается...

– Дело в том, что наш кругозор ограничен нашими земными повседневными рамками. Нам кажется, что мир, данный в ощущениях, такой, каким мы его видим, – это и есть законченная и единственно возможная реальность. И такая ограниченность заставляет нас привыкать к повседневному – к нашим земным причинно-следственным связям. Но ведь это не единственно возможная логика. Вот простой пример.

Красноармеец в островерхой буденовке сидит за фисгармонией, играет Херувимскую песнь какого-то композитора – и плачет. К нему подходят и в ужасе говорят: «Ты что! Это же поповская музыка! Как ты можешь так умиляться?» А он отвечает: «Ребята, вы не понимаете. Если при царе у попов была такая красивая музыка, то насколько прекраснее будет музыка у нас при коммунизме!» А мы сегодня уже знаем, что нет такой музыки. Мы – с высоты ХХI века – видим плоды коммунизма. Нам дано ведение и знание. В школе нас учили, что, согласно классикам марксизма-ленинизма, практика – критерий истины. Так вот, эта самая практика показала, что коммунизм абсолютно несостоятелен. А век назад люди этим знанием еще не обладали.

И если мы внимательно отнесемся к объективной информации вокруг нас, то увидим, что сегодняшнему человеку

намного проще верить в чудо, чем, скажем, человеку рубежа XIX–XX веков.

Наша наука просто бьет в набат и говорит: «Смотрите! Слушайте! Читайте!» Еще недавно ядерная физика была чем-то новым и фантастическим.

А сегодня уже в Большом адронном коллайдере ищут «божественную частицу» – бозон Хиггса¹, и атом давно не считают последней неделимой частицей.

У физика Нильса Бора² есть такой вопрос: достаточно ли то или иное явление абсурдно, чтобы существовать в реальности? То, что нам кажется абсурдным, наукой потом доказывается как реальное. И раннехристианский философ Тертуллиан³ говорит: «Верую, ибо абсурдно». Без веры в возможность невозможного мир кажется абсурдным.

Человеку, который обо всем этом задумывается и не пренебрегает современной научной и просто объективной информацией вокруг себя, намного проще поверить в возможность чуда.

¹ Бозон Хиггса – элементарная частица (бозон), теоретически предсказанная британским физиком Питером Хиггсом в 1964 г. В ходе экспериментов на Большом адронном коллайдере (ускорителе заряженных частиц, самой крупной экспериментальной установке в мире) в 2012–2013 гг. было объявлено о том, что бозон Хиггса обнаружен.

² Нильс Хенрик Давид Бор (1885–1962) – датский физик-теоретик и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по физике (1922).

³ Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155/165–220/ 240) – раннехристианский писатель, теолог, апологет.

Яркий пример – евангельская история капернаумского сотника, который отправил ко Христу людей с просьбой прийти и исцелить своего слугу. И когда Христос уже был на пути, сотник прислал к Нему своих друзей со словами: *Не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; потому*

и себя самого не почел я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой (Лк. 7: 6–7).

Что в этом эпизоде важно отметить для нашего разговора о чуде? Сотник – это командир роты. Ему подчиняются сто человек. А кто такой крупный военачальник? Это прежде всего – стратег. Слово «архистратиг» переводится с греческого как «главнокомандующий». Стратег видит ситуацию в перспективе и знает, что делать. И вот сотник, узнав о Спасителе, грамотно оценил обстановку, то есть воспользовался объективной информацией вокруг себя. Он уловил самую суть: в одном месте Христос сотворил такое чудо, в другом – другое. И раз так, то сотник выступил, говоря современным языком, с рационализаторским предложением: зачем, Господи, тебе куда-то идти, преодолевать расстояние, тратить время? Я вижу, что Тебе достаточно просто произнести слово – и все свершится. Это просто поразительно! Сотник, военный профессионал, знает, как минимальными средствами добиться максимального результата. Ведь и он мог усомниться в возможности чуда, но объективные данные дали ему повод поверить, что чудо произойдет по одному слову

Христа. Это не имеет никакого отношения к самоубеждению. Это просто грамотная оценка реальности – таково лекарство от маловерия. Жаль только, что нам часто не хватает опытности этого сотника и его таланта воспринимать окружающую действительность.

– Иногда, когда человек оказывается в безвыходной ситуации, ему говорят: «Тебе остается только молиться». Для кого-то это призыв к действию, но для кого-то – пустая отговорка...

– Да, таково, к сожалению, стандартное восприятие. Мол, на что мне надеяться, этого все равно быть не может... Но давайте задумаемся о том, что Господь, сотворив мир, не оставил его жить без Своего попечения и участия. Господь издревле называется «Пантократор», или по-русски «Вседержитель» – Он держит в Своих руках все. В чине оглашения есть такие слова: «Верую Ему яко Царю и Богу». Царь – это тот, кто выполняет функции управления. Бог управляет миром. Об этом в XVIII веке митрополит Иоанн (Максимович)⁴ написал целую книгу – «Илиотропион». В переводе на русский – «Подсолнечник». Образ заключается в том, что подсолнечник все время поворачивается вслед за солнцем. Так и человек должен все время поворачиваться вслед за Бо-

⁴ Святитель Иоанн (Максимович, 1651–1715) – миссионер, богослов, христианский писатель, поэт, с 1711 г. митрополит Тобольский и всея Сибири. Причислен к лику святых в 1916 г.

жьей волей, благой и всесовершенной. И в ситуации болезни или любой другой беды не нужно думать, будто Бог забыл человека и бросил его в пучину случайностей. У Бога нет ничего случайного.

Важно просто понять механизм Божественной помощи. Ведь часто мы думаем, что раз Бог – Вседержитель, то и людьми он должен управлять, как роботами. И в этом мы ошибаемся. Бог создал человека свободным и дал ему Божественное свойство – свободную волю. А что делает в ответ на это человек?

Отдаляется от Бога, забывает молиться – а значит, добровольно подчиняет себя уже не Богу, а причинно-следственным связям этого мира.

Когда-то давно, когда я служил диаконом в Николо-Харьковническом храме и шел на литургию в день Рождества Богородицы, я увидел на дороге женщину, которую, судя по всему, только что сбила машина. Подъехала скорая помощь, но оказалось, что женщина уже умерла... У меня это в голове не укладывалось! Вот утром она встала, умылась, куда-то пошла, побежала через дорогу, и все – теперь она мертва. Почему? Понятно, что таких вещей не случается без Божьей воли или Божьего попущения, но в то же время Бог постоянно ищет любой возможности нас спасти и нам помочь. Поэтому так важно молиться утром. А выходя из дома – призвать на помощь Божье благословение.

Мне скажут: а разве Бог без нашей просьбы на нас внима-

ние не обратит? Разве Он не все видит? Неужели Бог такой далекий и неприступный, что к Нему нужно каждый раз с запросом обращаться? Отвечаю: конечно же, нет, ни в коем случае. Речь здесь о другом. Творец уважает свободную волю Своих творений. Если этот человек не хочет Его ни о чем просить – значит, он хочет подчиняться законам этого мира, зачем же Бог будет насильно вмешиваться в его жизнь и помогать ему против его желания? Вспомните двух разбойников, распятых рядом со Христом. Один сказал Ему: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* А другой злословил Его и говорил: *если Ты Христос, спаси Себя и нас.* И только первому из них Христос отвечает: *Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю* (см.: Лк. 23: 39–43). Мог бы Господь Своей волей взять с Собой в рай обоих? Конечно, для Него нет ничего невозможного. Но Он этого не делает. А вдруг тот, второй, не хочет в рай? Нельзя насильно тащить его с Собой...

И вот тут в действие вступает механизм помощи – молитва.

Например, выходя утром из дома, мысленно сказать: «Господи, помоги мне этот день прожить хорошо и завершить его благополучно». Когда к Богу с просьбой обращаешься, Он решает: ну что ж – надо помогать, раз попросили. Так возникает чудо. И тут даже не столь важно, как конкретно просить. Потому что Господь – наподобие хорошего юриста – использует малейшую возможность, чтобы челове-

ка спасти. Он и так спас бы, но раз человек просит – это уже повод сотворить чудо.

Иногда можно услышать от православных верующих: «Меня тот или иной батюшка отмолил». Почему же вы думаете, что это в батюшке дело? Это Господь воспользовался предоставленным Ему поводом.

– А как в принципе связаны в христианстве понятия чуда и спасения?

– Бог спасает людей не чудом. Чудо само по себе – не главный атрибут Бога. И не является критерием истины. Ведь чудеса творили, скажем, и египетские маги. А когда придет Антихрист, он будет творить такие чудеса, которые мало кто может себе вообразить.

Поэтому Христос не строит на чуде свою проповедь. В этом смысле чудеса в Евангелии приводят людей к вере в то, что Иисус Христос – не просто учитель, не просто пророк, угодивший Богу, но Сын Божий, Богочеловек. У чуда есть своего рода функция – привлечь внимание, а дальше должно начаться личное богообщение.

Например, евангельский Нафанаил, про которого Христос сказал: *Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства.* Нафанаил молился под смоковницей и точно помнил, что никто его видеть не мог. А Христос поразил его Своим всеведением: *Когда ты был под смоковницей, Я видел тебя.* И Нафанаил ответил: *Ты Сын Божий, Ты Царь Изра-*

илев (см.: Ин. 1: 47–49). Для Нафанаила это не было чудом – в смысле чем-то, от чего можно было бы ахнуть и прийти в возбужденное состояние. Нет, к Богу его обратило осознание всеведения Христа.

– Принято считать, что наука и религия противостоят друг другу. Вы же говорите, что лекарство от маловерия – это внимание к научным фактам. Получается, наука к Богу приближает?

– Именно так. Малое знание удаляет от Бога, а большое, профессиональное, глубокое – приближает к Нему. Знаменитый нейрофизиолог Наталья Бехтерева⁵, академик множества академий в мире, внучка прославленного ученого Владимира Бехтерева, в своих интервью говорила, что мозг человека изучен только на десять процентов. В остальном – совершенно невозможно понять, как он работает. И это при том, что изучению этого предмета академик Бехтерева посвятила всю жизнь. Все это убедило ее в том, что есть вещи – такие как работа мозга, – которые иначе как Божественным устройством не объяснишь.

Само развитие материи из простейших органических частиц противоречит всему человеческому и научному опыту. Наши глаза убеждают нас в том, что во всем действует за-

⁵ Наталья Петровна Бехтерева (1924–2008) – советский и российский нейрофизиолог, академик Академии медицинских наук СССР (1975), академик Академии наук СССР (1981),

кон энтропии: все, по идее, должно распадаться и рассыпаться. Мы же каждый день ставим телефон на зарядку – и каждый день аккумулятор разряжается. Здания стоят и, если их не ремонтировать время от времени, просто рассыпаются. А мир все существует и существует. Материя все образуется и образуется. И я удивляюсь, как люди, наблюдая такое, живут без Бога? На каком «топливе» они работают? Как вообще выжить без этого «Источника питания»?

с 1990 г. – научный руководитель Центра «Мозг» АН СССР, с 1992 г. – Института мозга человека РАН. Доктор медицинских наук, профессор.

Где найти «волшебную палочку», или О потребительском отношении к чуду

Беседа с протоиереем Алексеем Емельяновым, проректором Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

«Приближалась же Пасха, праздник Иудейский.

Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к Нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать. Филипп отвечал Ему: им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу. Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? Иисус сказал: велите им возлечь. Было же на том месте много травы. Итак возлегло людей числом около пяти тысяч. Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, роздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько кто хотел. И когда насытились, то сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти

ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели. Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир. Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один. Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, войдя в лодку, отправились на ту сторону моря, в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось. Проплыв около двадцати пяти или тридцати стадий, они увидели Иисуса, идущего по морю и приближающегося к лодке, и испугались. Но Он сказал им: это Я; не бойтесь. Они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли. На другой день народ, стоявший по ту сторону моря, видел, что там, кроме одной лодки, в которую вошли ученики Его, иной не было, и что Иисус не входил в лодку с учениками Своими, а отплыли одни ученики Его. Между тем пришли из Тивериады другие лодки близко к тому месту, где ели хлеб по благословению Господнем. Итак, когда народ увидел, что тут нет Иисуса, ни учеников Его, то вошли в лодки и приплыли в Капернаум, ища Иисуса. И, найдя Его на той стороне моря, сказали Ему: Равви! когда Ты сюда пришел? Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на

Нем положил печать Свою Отец, Бог. Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал. На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? что Ты делаешь? Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть. Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. На это сказали Ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб».

Евангелие от Иоанна, 6: 4–34

Когда в Москву привозят известную на весь мир святыню – например, Пояс Богородицы или Дары Волхвов, – в очередь к ней выстраиваются тысячи людей. Они стоят много часов, федеральные каналы показывают их в новостях, а в интернете в это время разгораются словесные баталии: дескать, люди пришли не поклониться Богу, а просить у Него исполнения желаний – что за потребительское отношение к святыне!

Помню, читал на просторах Сети подобную дискуссию. Один добрый человек сетовал: «Вы думаете, хоть кто-то в этой гигантской очереди собирается каяться и просить Бога избавить его от грехов и страстей? Нет, их волнует, чтобы дочка удачно вышла замуж...» Другой добрый человек отвечал: «Вы так говорите, потому что у вас нет дочерей. У меня

их четыре, и, поверьте, когда я вижу, что две трети прихожан – дамы, а из десяти юношей, молящихся на службе, от силы двое пригодны для употребления в брак, вопрос о будущем женихе для дочки не кажется мне таким уж неважным».

Столь же двойственная ситуация описана, как мне кажется, в евангельском эпизоде о насыщении пяти тысяч человек. Христос, с одной стороны, обличает тех, кто пошел за Ним ради бесплатного хлеба, но, с другой, обличая, Он не прогоняет людей. И в целом в Евангелии Христос никогда не отказывает даже в самых «земных» просьбах тому, кто с верой к Нему обращается. Рыбакам, среди которых апостол Петр, Христос посылает такой небывалый улов, что сети рвутся; а в молитве «Отче наш» Спаситель и вовсе заповедует молиться о «хлебе насущном».

Как же совместить это в своем сознании: естественное побуждение просить Бога обо всех земных благах, в том числе о чуде, – и память об обличении Христом такого «потребительского отношения»?

– Отец Алексей, можно ли, с христианской точки зрения, дать одно-единственное определение того, что такое чудо?

– Чудо – это личная встреча человека с Богом.

Позволю себе привести пример из моей священнической практики. Два случая – очень разных, но одинаково острой пережитых – произошли в Первой градской больнице, где я служил больничным священником.

Несколько месяцев в травматологическом отделении лежал очень старенький и очень больной дедушка по имени Всеволод. Родственники его бросили, никто его не забирал. Находился он уже в отчаянном положении, надеяться было не на что, выздороветь он не мог, мучился – но все никак не умирал. К нему приходили сестры милосердия, пытались хоть как-то облегчить его страдания, но по-настоящему помочь ему было невозможно. Все еще осложнялось тем, что Всеволод был яростным атеистом. В больницу регулярно приходили священники, кого-то причащали, с кем-то беседовали, но дедушка каждый раз реагировал на них резко и недружелюбно. И вдруг, неожиданно для всех, что-то изменилось: Господь коснулся его сердца, он позвал священника, покаялся, причастился – и на следующий день мирно скончался. Господь наконец принял его душу.

А другая история – противоположна первой, ее удивительное и таинственное отражение. Однажды я шел со Святými Дарами по территории больницы в один из корпусов – и вдруг ко мне подбегает дама и просит срочно, вот прямо сейчас, зайти с ней в другой корпус, чтобы причастить ее маму, которую только что привезли в тяжелом состоянии. Мы заворачиваем в соседнюю дверь, поднимаемся на нужный этаж, подходим к постели – и видим, что за те минуты, пока дочь вышла за мной во двор и вернулась, ее мама... скончалась. У меня нет ответа, почему этот человек не успел перед смертью приобщиться Святых Христовых Таин, хотя

для этого были все условия. Иной раз, когда зовут священника к умирающему, приходится ждать часами, а то и сутки. Здесь же не хватило нескольких минут...

Дедушка Всеволод чуть ли не год лежал в больнице, и Господь все ждал, когда же он к Нему обратится. А ту больную – не допустил. Первый эпизод – несомненно счастливый. Второй – оставшийся под покровом Божьей тайны.

Два эти случая для меня напрямую связаны с тем, о чем вы спросили: главное чудо – это встреча с Богом. И чудо это настолько великое, что мы в рамках своей человеческой логики не можем понять его закономерностей. Мы не можем установить регламент: поступай так – и оно произойдет. Но оба случая совершенно ясно показывают и еще одно: чудо встречи с Богом таинственным образом зависит и от самого человека. Оно всегда нацелено на его спасение. Но иногда оказывается, что по какой-то причине оно не свершается здесь – на земле.

– Там, где появляется тема чуда как встречи с Богом, сразу же возникает и проблема потребительского отношения к чуду. Например, когда в город прибывает известная на весь мир святая – скажем, Пояс Богородицы, – и сотни тысяч людей выстраиваются к ней в очередь, то и дело в СМИ звучат голоса: «Эти люди пришли сюда не ради Бога, а ради чудес». В смысле, ради исполнения своих желаний...

– Это не новая проблема, она описана еще в Евангелии:

вспомните эпизод о насыщении пяти тысяч человек. Поразительно, но это *единственное* из сотворенных Христом чудес, описанное *во всех* четырех Евангелиях. Мы ведь знаем, что четыре Евангелия, хотя и говорят в целом об одном и том же, не копируют друг друга полностью, а четвертое Евангелие по своему содержанию существенным образом отличается от первых трех. И тот факт, что насыщение пяти тысяч описано всеми четырьмя священнописателями, уже сам по себе свидетельствует, что авторы придавали этому событию исключительное значение.

Здесь показательна как раз реакция очевидцев: она взрывная. Люди с изумлением почувствовали, что через Иисуса из Назарета приобщаются к какой-то совершенно иной реальности – почувствовали, что перед ними *истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир*, и более того, они тут же захотели *нечаянно взять Его и сделать царем*. В богоизбранном иудейском народе все знали Писание. Даже те, кто не умел читать, с молодых ногтей постоянно слышали, как его читали и толковали другие, – этот исключительный текст был у всех на слуху, если не в уме и в сердце. И для тех пяти тысяч было очевидно, что на их глазах свершилось возведенное через Моисея:

Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте
(Втор. 18: 15).

И без всяких дополнительных указаний и проповедей лю-

ди, окружавшие в тот момент Христа, прореагировали на него именно как на Мессию, обещанного национального вождя, духовного и политического, который принесет израильскому народу Божье избавление от порабощения.

Что же делает Христос, увидев, что пять тысяч человек пребывают в состоянии такого прозрения, шока, ажиотажа? Он уходит. Митрополит Антоний (Храповицкий)⁶ предположил, каким образом с эпизодом чудесного насыщения хлебами связан другой близко стоящий чудесный случай – хождение Христа по воде. Спаситель «чудотворством» никогда не занимался – то есть не творил чудеса с целью просто поразить окружающих. Всякое чудотворение обязательно имело духовную подоплеку. Зачем же понадобилось пугать своих учеников ночью посреди озера? По мысли митрополита Антония, Христос увидел, что в атмосфере эйфории от встречи с Мессией, национальным вождем, иудейский народ готов вот-вот начать восстание против римской власти. И Христос ушел по воде, чтобы в прямом и переносном смысле слова скрыть свои следы и погасить назревающую еврейскую революцию, которая через сорок лет все-таки вспыхнула в Иудее и принесла неисчислимые беды.

Но когда возбуждение улеглось, люди все-таки нашли Христа – на другом берегу озера, в Капернауме. Произошла

⁶ Антоний (Храповицкий, 1863–1936) – богослов, философ, с 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий, с 1920 г. первый председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей.

вторая встреча – и то, что говорит народ на этот раз, спустя совсем немного времени после чудесного насыщения, может поставить читателя в тупик: *Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть*. Они фактически признались, что следуют за Христом, чтобы есть даровой хлеб, наподобие того, как во время Исхода израильтянам подавался небесный хлеб – манна – в течение сорокалетнего странствия по пустыне. Но тогда обстоятельства были иными: на пути взять хлеб было негде, и манна небесная служила зримым признаком Божьего попечения. Но сейчас-то никакой крайне нужды у людей не было...

Меня поражает такой запрос толпы – мол, сделай так же, как Моисей в пустыне, – дай нам бесплатное питание. Какая разница между поведением народа при первой встрече со Христом на берегу озера и при второй в Капернауме! В первый раз люди прореагировали, говоря современным языком, адекватно: они увидели в Иисусе из Назарета мессианское достоинство, ощутили, что переживают соприкосновение с неземной реальностью, вспомнили о Боге. И вдруг вдруг наступила полная слепота. Только что явился момент истины – и тут же вернулась обычная повседневная нечуткость.

Что за этим стоит? Атеизм? Нет. В ту эпоху атеистов в нынешнем понимании слова просто не существовало. Безграмотность? Тоже нет. В иудейском народе, повторяюсь, Писание так или иначе знал каждый. Что же произошло? В тексте Евангелия формального ответа нет. Но есть слова Христа:

Истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились, – обличение в обмирщении, в зависимости от материального. Люди было узнали в нем Мессию, но тут же отступились от своего прозрения. В соседних евангельских эпизодах Христос спрашивает апостолов:

...За кого почитает Меня народ? Они сказали в ответ: за Иоанна Крестителя, а иные за Илию; другие же говорят, что один из древних пророков воскрес (Лк. 9: 18–19).

Как видно, Его принимают в лучшем случае за пророка, но не за Помазанника, через которого все должно измениться.

– Но неужели с христианской точки зрения просить Бога обо всем – в том числе и о материальных благах, о хлебе насущном – это неправильно?

– Здесь важен сам порядок слов в предложении:

«Просить Бога обо всем». Сначала – «Бога», и только потом – «обо всем». Ведь в логике вопроса народа о хлебе («Сделай нам, как Моисей!») Сам Бог оказывается как бы не нужен. Он здесь вроде бы номинально присутствует, но не в центре. А когда Бог не в центре, все нарушается. И смысл любой просьбы, обращенной к Богу, – именно в направленности человека лично к Нему. Что мне важно: угодить Богу и исполнить Его волю или, наоборот, ублажить себя – и тогда

Бог выступает в роли безличной волшебной палочки? Когда Бог оказывается средоточием всего, то остальное прилагается. В том числе и чудеса, о которых мы просим.

– Но ведь это очень трудно – провести в сознании такую психологическую операцию и на ходу перестроить иерархию приоритетов в ситуации, когда тебе что-то по-настоящему нужно. Именно «тебе» и «по-настоящему нужно»...

– Это трудно, но не невозможно. Могу снова привести пример из своей священнической практики в больницах. Там с проблемой потребительского отношения к чуду – то есть к Богу – сталкиваешься постоянно. Подчас для нецерковных людей происходящее в Церкви – тайна: что-то мистическое, неведомое. Но им при этом понятно, что это мистическое и неведомое может оказаться полезным для здоровья. Поэтому часто в больницах люди либо вспоминают о причастии, либо хотят прямо в больнице креститься или крестить своего ребенка... В критической ситуации мы крестим прямо в палате. В более благополучных случаях часто ограничиваемся беседами и предлагаем Таинство Крещения совершить в храме после выписки. И когда приходят в храм или зовут в палату, я, конечно же, не провожу опрос на тему мотивации – дескать, у вас к Богу духовный запрос или материальный, – хотя, само собой, спрашиваю, верит ли человек в Бога, крещен ли, ходит ли в храм... И если ходит редко, не могу не сказать, что наша встреча будет по-настоящему осмысленной, если человек после выписки обещает свое от-

деление от Церкви преодолевать. Я стараюсь объяснить, что Таинство Причащения совершается во исцеление души и тела. И тут снова важен порядок слов в предложении – иерархия налицо: да, тело исцеляется, но сначала все же – душа.

Мне памятен случай, когда через чудесное исцеление своего ребенка человек по-настоящему пришел к Богу. Его сына врачи спасли от смерти, буквально вытащили с того света. А затем мальчику предстояла тяжелейшая реабилитация, чтобы вернуться к полноценной жизни. И весь этот путь – долгие месяцы – ребенок прошел благодаря усилиям папы. Я общался с ним, и для меня было очевидно: все, что произошло с его сыном, он воспринял как чудо Божественного посещения, прямого участия Бога в своей судьбе. Он не мог об этом говорить без слез... При этом он понимал, что и врачи сотворили свое «профессиональное чудо» – сделали все от них зависящее, и для самой больницы случай этого мальчика стал своего рода показательным – «вот на что способна медицина!». Несомненно, что пока ребенок проходил реабилитацию, папа в первую очередь думал о жизни и здоровье сына, а потом уже – о Боге. Но когда ситуация более или менее нормализовалась, для него неожиданным образом стало главным не само чудо, а Тот, Кто это чудо для него сотворил.

– Понятно, что потребительское отношение к чуду воспринимается как что-то негативное. Но все же можем ли мы считать неправыми людей – то есть нас, – которые притека-

ют к Богу как к исполнителю желаний? Сначала «к Богу», а потом «как к исполнителю желаний»...

– Мы уже обсуждали евангельский эпизод насыщения пяти тысяч пятью хлебами. Примечательно, что это событие не было никем инспирировано.

Народ и ученики не могли предугадать подобного. Христос проявил инициативу: сотворил чудо – и еды хватило на всех. И не случайно здесь участвует хлеб: это прообраз будущего Таинства Евхаристии, причащения Плоти и Крови Христа под видом хлеба и вина. С одной стороны, Господь проявил милосердие и наплатил голодных, а с другой – прообразовал установление Таинства, в котором малое количества вещества также способно насытить весь мир, – что до сих пор каждый день происходит во всех уголках Земли при совершении Божественной литургии.

Хотел бы снова обратить внимание на реакцию людей на чудо насыщения. Народ почувствовал, что после такого ошеломляющего события общаться с этим Человеком как прежде уже нельзя.

– То есть это созвучно афоризму о том, что после встречи со Христом человек, может быть, сразу и не придет в Церковь, но впредь уже не сможет жить так, как будто этой встречи не было?

– Да. Народ понял, что привычный ход вещей нарушен. Перед ними – особый Человек. И пусть суждения людей о

Нем пока смутные и грубые, националистические и политические – это тот царь и пророк, которому должно прийти, – все равно: какая-то внутренняя перемена в этих людях произошла. Какая? В Евангелии ответа нет. Но эти строки свидетельствуют о милости, с которой Господь творит чудеса, даже когда наши представления о Нем неадекватны. Христос предлагает Свою трапезу, и на ней утолить духовный голод могут все.

И вдруг роза закачалась, или Как сотворить чудо для другого?

Беседа с протоиереем Игорем Фоминым, и астоятелем храма во имя святого Александра Невского при МГИМО

«И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный. Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои. Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих: что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших? Что легче? сказать ли расслабленному: прощаются тебе грехи? или сказать: встань, возьми свою постель и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали».

Евангелие от Марка, 2: 3–12

Читаю этот евангельский эпизод, представляю себя на ме-

сте одного из четырех друзей – и понимаю: не сдюжил бы... Это же какая смелость нужна! Дом, где Спаситель, вокруг толпа, не пробиться, на руках изнемогающий товарищ... «А давай через крышу?» – говорит кто-то. Как через крышу, как мы залезем-то туда?! А если начнем карабкаться – что люди подумают? А вдруг кто-то завопит: «Что еще за хулиганы?!» Или: «Вам что, больше всех надо?! В очередь!» Или – что хуже – начнут смеяться. И выбежит хозяин дома: «Люди, смотрите, что они сделали с моей крышей!» И в этой суматохе мы будем стараться плавно спустить постель с лежащим человеком в дом – но что нам там скажут? А вдруг и тут грянет: «Куда без очереди?!» – «Да вы не понимаете – у нас больной...» – «Много вас тут таких!»

Вероятно, четверо друзей из Евангелия ни о чем подобном не думали. Чувство неловкости – переживание о себе любимом, а они переживали о близком человеке, о себе беспокоиться было некогда... И если такой эпизод зафиксирован евангелистами, значит, это образец для подражания. По усилиям и дерзновению друзей Господь послал исцеление их товарищу. Получается, и я могу сотворить чудо для другого? Могу или... должен?

– Способен ли обычный грешный человек сотворить чудо для другого?

– Не только способен, но и призван. Говоря о чудесах, я в первую очередь вспоминаю евангельский рассказ о том, как Христос выходит на общественную проповедь, и о том, ка-

кой беспроегрышный маркетинговый ход предлагает Ему сатана:

Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего (Мф. 4: 5–6).

Господь это отвергает именно потому, что это было бы стопроцентное чудо. Вообразите: внизу у Иерусалимского храма множество народа, и вдруг Христос спрыгивает, тормозит у самой земли, начинает идти по воздуху – и все вокруг в трепетном ужасе падают ниц и признают Иисуса из Назарета Богом. Но Спаситель этого не делает. Почему? Потому что Богу нужны не пораженные чудом, а способные сами творить чудеса.

Вера зиждется не на чудесах, а на Жертве Христа, а для нас это значит – на труде, на лишениях, на ущемлении себя. В этом смысле главное чудо, которое один человек может сотворить для другого, – это и есть любовь к ближнему. Любовь не в смысле вздохов под луной, а в том смысле, в каком ее рассматривает Церковь, – радость, благодарность и жертвенность. То есть труд. Ведь эти три момента требуют очень большой работы над собой. Эта работа и выливается в чудеса.

Что такое чудо для ближнего? Это то, что мы безвозмездно ему отдаем. Мы подметаем, кроим, шьем, лепим, пишем, учим – да все что угодно – и дарим это другому. Такое чудо – самое серьезное и самое великое.

Замечательный пример здесь – это история четверых друзей, которые принесли к Спасителю своего больного товарища. Из-за многолюдности ко Христу было не подойти, и друзья пошли на то, чтобы разобрать крышу дома, где находился Спаситель, и спустили своего друга на простынях. И тогда *Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мк. 2: 5). Так в результате труда и жертвенности одних людей Господь исцеляет другого.

– Но если чудо для ближнего требует того, чтобы просто хорошенько потрудиться, может быть – и Бог тогда не нужен?

– Помните, как в геометрии определяется понятие луча? Это то, что имеет начало, но не имеет конца. Из человека исходит такой «луч труда», а куда он будет направлен, зависит от того, ориентируется человек на Бога или нет. Ведь каждый из нас – образ Божий, наследник Творца, и значит – способен творить. Господь творил видимый мир – и трудился. И человек призван творить и трудиться в своей жизни. Другой вопрос – сочетается ли этот труд с Божьим благом. Господь должен в полной мере присутствовать в творческом труде. Только тогда творение человека может получиться нормаль-

НЫМ.

– Есть и другой аспект проблемы. Если я хочу сотворить чудо для ближнего и готов для этого трудиться, то вдруг я потом все успехи припишу себе любимому, а не Богу? Вдруг Бог мне в этом смысле окажется не нужен?

– Да, эта проблема лежит на поверхности. Если все плохо, мы говорим: «Господи, за что?» Если все хорошо, мы говорим: «Почему меня никто не благодарит?» Что нужно, чтобы такой проблемы избежать и внутренне ее решить? В этом, наверное, и состоит святость человека. Для всего остального есть нравственность, а для этого нужна святость.

– То есть это доступно только святым?

– Нет, это доступно всем. Святость – это когда в человеке появляется смирение. А смирение – это не рабская покорность. Это состояние, когда человек не видит своей значительности, а видит только величие Бога и значительность ближнего. И мыслит о себе не как о духовном центре мироздания, а как о шурупчике в большом Божьем механизме. И осознает, что быть таким шурупчиком – уже очень почетно.

– Вы сначала говорили о необходимости трудиться, а теперь говорите о смирении. Но смирение обычно ассоциируется с пассивностью, с опусканием рук, с отказом от попытки что-либо менять. Для вас здесь нет противоречия?

– Труд – необходимое условие смирения. В духе всем известного выражения: «Делай что должен, и будь что будет». Смирение не значит ничего не делать, а как раз наоборот – значит делать все-все-все, но именно в составе «команды», где руководитель – Бог. Ты делаешь свое дело по совести, а за результат отвечает Господь. И подхватывает твой труд в нужный момент Господь. И награду потом получает Господь. В каком-то смысле мы можем назвать верующим человеком того, кто не только признает Бога и доверяет Ему, но и еще проявляет соработничество – трудится вместе с Ним.

Очень удачно это внутреннее состояние человека охарактеризовал апостол Павел:

Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь (1 Кор. 4: 3–4).

Ведь действительно труженику не до «размышлизмов», ему просто некогда. У него есть заповеди и совесть – те ориентиры, по которым можно видеть направление своей жизни. И если человек идет по этим ориентирам христианской нравственности, он становится делателем Христовым. А значит, чудотворцем.

– А как это может выглядеть на практике? Мы привыкли ассоциировать любовь к ближнему с помощью обездоленным – больным, старикам, сиротам.

Есть ли менее очевидные примеры чудес, которые один человек может сделать для другого?

– В день памяти святителя Василия Великого (14 января) Церковь чтит еще и память его матери – святой Эмилии. У нее было, по разным источникам, девять или десять детей, пять из которых причислены к лику святых. Вдумайтесь: это на самом деле очень серьезное достижение – воспитать детей так, чтобы они достигли святости. Я считаю, что родители, которые нормально по-христиански воспитывают своих детей, – это пример соработничества Богу. Ведь порой православные родители занимаются по большей части своим воспитанием: ходят в храм, молятся, постятся, читают, а дети их в это время катаются с горок и сидят в каких-то секциях. Горки и секции – само по себе это, конечно же, неплохо, если не отменяет, а дополняет духовное воспитание детей. Ведь тебе вверен самый драгоценный в этой жизни бриллиант – ребенок. И ты должен его не просто сохранить, а нанести на него такие грани, которые излучали бы в этот мир отблеск Божественной славы. Вот за что мы имеем право ждать благодарности.

А помогать больным и обездоленным – это не подвиг. Это норма, на которую мы стали смотреть как на подвиг. Помогать ближнему – то очевидное, что мы должны делать и не получать в ответ «спасибо».

– Если мы ставим знак равенства между любовью к ближ-

нему и чудом, получается, что чудо – это норма?

– Да, творить чудо для человека должно быть нормой. Это, повторюсь, то, к чему мы призваны. Любить – это норма, которая в современном мире стала чудом.

Но мы почему-то любим людей выборочно и по каким-то своим критериям. «Она красивая». «Он накачанный». «Он разбирается в компьютерах». «Он знает стихи». Один мой прихожанин рассказывал мне, как нечаянно услышал разговор в студенческой столовой – две девушки обсуждали кого-то третьего: «Какой у него телефон?» – «„Самсунг“». – «Ужасный телефон!» – «А какая у него машина?» – «Корейская „Киа“». – «Ужасная машина!» Этот прихожанин как раз пользовался «Самсунгом» и ездил на «Киа» – и понял, что он именно такой, каким, по мнению этих девушек, не должен быть молодой человек.

Но христиане призваны рассуждать иначе. Не просто любить всех, но – скажу страшную вещь – к каждому человеку относиться как к средству... достижения Бога. А путь к Богу неминуемо проходит через любовь к ближнему – через попытку сотворить чудо для другого.

– Получается, если творишь чудо для другого, приобретаешь что-то и для себя?

– Конечно! Христианин вообще должен быть жадным, со знаком «плюс». Жадным до всего христианского. Не до денег, но до благотворительности и добрых дел, например.

Знаете, чем отличается логика мира от логики Бога? В мире чем больше тратишь, тем меньше остается. А в духовном плане наоборот: чем больше расточаешь, тем больше тебя Господь одаривает. Надо все-все-все раздать – силы, возможности, социальное положение, собственный комфорт – и тогда можно что-то для себя приобрести.

– Мы много говорим о смирении. Но если вспомнить евангельскую историю о четырех друзьях, спустивших ко Христу своего больного товарища через крышу дома, в них поражает как раз качество, вроде бы противоположное смирению по знаку – дерзновение. Где же в христианстве грань между смирением и дерзованием?

– Грани нет, это две стороны одного и того же явления – попытки следовать Христу. Богу угодить можно, только преследуя выгоду ближнего, то есть творя для него чудо – для этого нужно дерзновение, как у четырех евангельских друзей. Но преследуя выгоду ближнего, ты неминуемо должен ущемлять себя, и в этом смирение. И тебя обязательно осудят: «Что вы сделали с моей крышей?! Как вы посмели?!» Да не волнуйся,отремонтируем мы тебе эту крышу, нам сейчас друга надо исцелить!

Помните, святой Иоанн Кронштадтский⁷ становился на молитву перед кроваткой больной девочки выдающийся проповедник, духовной писатель, церковный и обществен-

⁷ Святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829–1908) —

ный деятель, митрофорный протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Причислен к лику святых в 1990 г.

и говорил: «Господи, я не встану, пока ты ее не исцелишь»? Вот пример того, как дерзновение со смирением идут рука об руку, потому что польза для другого обретается в твоём самоуничтожении и в том, что ты должен будешь ради ближнего претерпеть.

Тут не нужно искать грани. Нужно просто четко для себя понять: если ты не будешь дерзновенным – ты не будешь и смиренным.

– Вы привели пример из жизни святого Иоанна Кронштадтского. Но ведь мы обычные люди. Как в жизни простого человека может сочетаться смирение с дерзованием?

– Могу привести пример из собственной священнической практики. У меня была прихожанка по имени Виталия – маленькая хрупкая женщина. Преподаватель вуза. Всю жизнь – в том числе и в советские годы – она ходила в храм. Муж ее, тоже преподаватель, всю жизнь был неверующим коммунистом, но, скажем так, лояльным. Знал, что жена православная, и вроде бы не возражал. Но перестройка на него подействовала странным образом: из атеиста лояльного он почему-то превратился в атеиста воинствующего. И стал жену бить – за то, что та ходит в храм. Причем ни по каким другим поводам он на нее руку не поднимал и вообще, по рассказам

самой Виталии, был замечательным и услужливым мужем. А вот за храм – бил. Но без храма бедная Виталия жизни не мыслила и появлялась на службе то с синяком под глазом, то с распухшей рукой. Приходила всегда почти к самому концу, к Причастию – и тут же убегала, чтобы не смущать мужа своим отсутствием. Было это всегда только в будние дни, потому что каждые выходные они уезжали за город: брали термос и еду, приезжали на любой вокзал, садились на любой поезд, сходили на любой станции и устраивали себе маленький пикничок. Такая замечательная семейная традиция.

И вот однажды приехали они в Сергиев Посад, к тому моменту уже переименованный из Загорска. И тут, рассказывает Виталия, муж неожиданно направился в Троице-Сергиеву Лавру. Виталия – ни жива ни мертва. Идет на полшага сзади и думает: вот сейчас он начнет орать, мол, изменяешь мне со своим Богом, всю жизнь мне испортила! Но муж пока молчит. Заходят в трапезную. Вот сейчас, думает Виталия, орать начнет, так я хоть на него наброшусь и уведу. Но муж – молчит. Встретил какого-то своего коллегу, который стоял и молился, – поздоровались, пожали руки. Потом пошли на службу. Заходят в храм. Вот сейчас, думает Виталия, орать начнет: «Твой Бог нам весь день испортил!» Но муж молчит и даже отстоял всю службу. Выходят из Лавры. Вот сейчас, думает Виталия, как он развернется и меня кулаком достанет. И тут муж поворачивается и говорит: «Виталька, а помнишь, мы с тобой хотели дом купить? А давай здесь? Здесь

так замечательно!»

Средства у них были скудные, но буквально в течение месяца они нашли домик недалеко от Лавры. В течение другого – оформили все документы. И переехали. А муж стал ходить в храм.

Для меня эта история – яркий пример, как в нашей обычной жизни могут сочетаться смирение с дерзновением. Виталия доверилась Богу – и не оставила своего мужа. Хотя по-женски, наверное, имела на это моральное право.

– Давайте вообразим себе пограничную ситуацию: тяжело болеет близкий родственник. Люди трудятся и молятся – хотят сотворить для него чудо исцеления. А он все равно умирает – чуда не получилось... Как это принять?

– Здесь нет иного рецепта, кроме смирения. Легко сказать, труднее сделать, но все же... У кого мы просим об этом чуде? У Того, Кто в силе даровать или не даровать просимое. Мы просим, не зная дальнейшей судьбы, а Господь – знает. Любая молитва должна – наподобие молитвы Христа в Гефсиманском саду – оканчиваться словами: *впрочем не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22: 42). Просить надо всегда и обо всем, но получишь или не получишь – это оставить на усмотрение Бога.

Если же говорить конкретно о переходе из жизни временной в жизнь вечную, то есть о смерти, то главная проблема для человечества заключается в том, что смерти не су-

существует. И это именно проблема, потому что усложняет жизнь. Если бы смерть существовала, если бы после земной кончины человека больше ничего не ждало, то все вопросы решались бы моментально. Получил двойку на экзамене, выстрелил в лоб – и все, пересдавать не надо, и последствий никаких. Но последствия есть, все это чувствуют. А значит – смерти нет.

Мы часто просим у Бога за больного человека.

Мы хотим, чтобы он жил здесь и наслаждался всем тем замечательным, что мы видим: ел сладкое яблоко, ходил под парусом, катал в коляске своего ребенка... Замечательные ведь вещи? Замечательные! Имеет ли это отношение к будущей жизни? Да, но только для тех, кто ее здесь на земле заслужит. А значит, о земной жизни мы должны размышлять не в таких категориях, а в каких-то других. Цель всех наших поступков здесь – потом оказаться с Богом *там*. А значит, если Господь забирает человека, Он знает, что делает. Надо просто Господу довериться.

– Но насколько люди в ту самую минуту тяжелейшей утраты готовы утешаться тем, о чем вы сейчас говорите?

– Мне больше десяти лет довелось служить в кладбищенском храме. И с горем утраты близких я сталкивался практически ежедневно. Когда к людям обращаешься с подобными словами, их все слышат, но никто не принимает сразу. Только спустя какое-то время – месяц, год, десять лет – че-

ловек возвращается: «Теперь я понял, почему моему ближнему там лучше, чем здесь. Почему забрать его нужно было именно тогда, а не сейчас». Мы говорим с вами о чуде, и очень часто чудом для человека становится уверение в том, что Господь там заботится о наших ближних.

С одной из моих прихожанок однажды произошла вот такая история. За очень короткий период времени – лет шесть, кажется, – она похоронила сначала единственного сына, а потом мужа. И конечно, горечь расставания и утраты была невыносимо тяжелой. Она приходила к нам в храм, ставила свечки, но странным образом не могла поверить ни в загробную жизнь, ни даже в каком-то смысле в Бога. Хотела поверить – но не могла. Будь она уверена в существовании загробной жизни, она бы тут же успокоилась, потому что считала «своих мальчиков» людьми настолько хорошими, что они уж точно сподобились бы у Бога самой благой участи. Шло время, а она все приходила и плакала, что не может поверить, будто *там* что-то есть.

И вдруг однажды приходит совершенно счастливая и говорит: «Батюшка, я верю!» Что же произошло?

В один из дней рождения – то ли мужа, то ли сына – она сидела дома за столом перед двумя фотографиями «своих мальчиков». На столе в вазе стояли пять роз. Она пыталась разговаривать с Богом, в Которого почти не верила: «Господи, если Ты есть, дай мне хоть какой-нибудь знак, что им там с Тобой хорошо. Удостоверь меня в этом – большего мне не

надо». И вдруг одна из роз начинает качаться. Остальные четыре стоят неподвижно, а одна раскачивается вправо-влево с большой амплитудой. Сначала женщина не на шутку испугалась. Пошла искать, нет ли где сквозняка. Вроде нет, окна и двери закрыты. И вдруг она поняла: вот он – знак. Так она поверила в Бога и в загробную жизнь.

Рассказывая мне эту историю, она спросила, что я думаю: роза качается – не слишком ли это мистично? А думал я, что иначе с ней и быть не могло. Можно представить себе другую попытку уверения со стороны Бога. Вот сидит эта женщина дома – и вдруг звонок в дверь. Она открывает, а там – благообразный мужчина тридцати трех лет в балахоне, с длинными волосами, бородой и следами от гвоздей на руках. Он говорит: «Я Христос, Я есть, вот Мои документы». «Что бы вы сделали?» – спрашиваю я свою прихожанку. «Закрyla бы дверь, – отвечает она, – потому что этот человек – явно больной». «А розу ту вы выкинули?» – спрашиваю, и она отвечает: «Нет, конечно!»

Чудо – это встреча человека с Богом, когда Господь вдруг приоткрывает тебе маленькую завесу, пытается тебе ответить и показать Свое присутствие. Чудо – это когда человек вдруг понимает, что Бог есть. Чудо – это состояние, когда все временное тебе уже не так важно, а все вечное становится для тебя необычайной ценностью. И это состояние для человека – норма, задуманная Богом.

Ведь общение с Богом – не монолог, а всегда диалог. Мы

обращаемся к Богу в молитве, и Он нам отвечает. Поэтому человек, который слышит Его слова – не физически слышит, а умеет считывать Его ответы на страницах Священного Писания, – это совершенно нормальный человек. Так и должно быть.

– Мы снова возвращаемся к тому, что чудо для человека – норма?

– Да, потому что диалог Бога и человека – и есть чудо.

– В истории с розой можно увидеть и еще один смысл. Эта женщина желала чуда для других – желала рая для «своих мальчиков», а попутно обрела чудо и для себя – встретила Бога...

– Именно. Любящее сердце, которое ищет пользы для другого, находит ее и для себя. Ведь когда эта женщина пришла ко мне рассказывать эту историю, она вся светилась счастьем. Она была теперь верующим человеком – а значит, человеком преображенным. И у Бога не бывает по-другому. Мы же обращаемся к Небесному Царю, а царь, если ты просишь у него трехкомнатную квартиру, не может дать меньше четырехкомнатной: он должен дать чуть больше просимого, иначе какой он царь? А Господь дает намного больше.

Этой женщине Он не просто дал уверенность, что с «ее мальчиками» все хорошо. Нет, вся жизнь ее теперь потекла по-новому. Чудо меняет вообще весь ход твоей личной истории. Как гонитель христиан Савл превратился в апостола

Павла. Чудо может быть только таким.

– В самом начале беседы вы упомянули евангельский эпизод, когда Христос отказался прыгать с крыши Иерусалимского храма, потому что не хотел, чтобы люди пошли за ним как за чудотворцем. А женщина, о которой вы только что рассказали, пришла к Богу после того, как увидела необъяснимо качающуюся розу, – то есть как раз увидев чудо: нарушение физических законов природы. Получается, Церковь и Евангелие ее не убедили и к Богу она пришла именно как к чудотворцу, а не как к Спасителю?

– Дело в том, что любое чудо – нарушающее законы природы или нет – совершается исключительно внутри человека. В его сердце. По дороге в Дамаск люди слышали гром, и только один апостол Павел слышал в громе голос Бога⁸. Тот же самый пример – качание розы. Женщина могла так и продолжать искать сквозняк или просто не обращать на это внимания, но ведь она увидела в розе именно ответ от Бога и приняла Его – чудо произошло в ней самой. Если даже человек видит нарушение физических законов природы, но это не приводит к внутренним изменениям в его душе и в целом в его жизни, мы вправе сказать, что никакого чуда не произошло, будь эти законы хоть сто раз нарушены. Этим чудо отличается от фокуса. Критерий чуда, его мерило – это всегда преобразование человека изнутри.

⁸ См.: Деян. 9: 1–8.

В снах он пересказывал Евангелие, или Есть ли жизнь после чуда?

Беседа со священником Михаилом Тагановым, настоятелем Крестовоздвиженского храма в Орехово-Зуево, доцентом Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

«Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, выйдя из них, вымывали сети. Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть. Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими

пойманных».

Евангелие от Луки, 5: 1–9

Есть множество историй о том, как человек не мог соответствовать случившемуся с ним чуду, не понес груз Божественного дара, не использовал данный Богом шанс... Например, такая история. В одной деревне у женщины заболел ребенок – тяжело, смертельно... Счет шел на часы, местный врач уже отчаялся, семья рыдает – и прибегли к последнему средству: послали в соседний монастырь просить прийти старца. Священник пришел, опустился на колени перед кроватью и долго молился. Утром ребенок проснулся здоровым.

А через пятьдесят лет равнодушные люди решили этого ребенка разыскать – узнать, что с ним стало, как сложилась его жизнь после того чудесного исцеления. Приехав в деревню, они нашли спившегося алкоголика, совершенно опустившегося...

Для меня здесь нет и намек на осуждение: мы не знаем, какие жизненные обстоятельства привели человека к падению. Эта история – о другом. Она, скорее, ставит весьма неудобный вопрос: существует ли такая вещь, как наша ответственность перед Богом за чудо, которое Он посылает? Иными словами, как жить после чуда?

– Каждый, наверное, был бы рад, чтобы с ним происходили чудеса. А существует ли такая вещь, как последующая

ответственность человека за свершившееся чудо?

– Разумеется. Эта ответственность в первую очередь состоит в том, что необходимо внутренне измениться в ответ на чудо. Евангельская история о призвании апостола Петра ярко об этом говорит. Рыбачили всю ночь – ничего не поймали. Приходит Христос, просит лодку на время, для проповеди, затем предлагает закинуть сеть, и она приносит такой улов, что двух лодок не хватает... Представляете, какое это счастье для рыбака? Проблема с питанием и деньгами надолго решена! Но сразу встает намного более важный вопрос: что делать дальше? Можно сказать «спасибо» и просто пользоваться всем приобретенным – или бросить все и идти за этим удивительным человеком... Мне кажется, именно такой вопрос перед каждым из нас ставит чудо: готовы ли мы в ответ на него что-то сделать *с собой* – измениться сами и изменить всю свою жизнь?

Есть в Евангелии и другая история, связанная с тем же Петром, где апостол хочет пойти ко Христу по воде. Мне кажется, для понимания чуда этот сюжет тоже очень важен.

В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя

сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? (Мф. 14: 25–31).

Христос велел ученикам переплыть на другой берег озера, но они поплыли и застряли на середине пути. Обусловлено это было чисто земными причинами – практикой мореходства тех времен: ветер был встречный, а парусные лодки еще не умели ходить против ветра, косой парус, необходимый для такого маневрирования, изобрели значительно позже. Возвращаться обратно к берегу, от которого они отчалили, тоже было опасно, и снова из-за встречного ветра: штормовой прибой мог легко разбить малоуправляемую лодку о скалы. И все же эту ситуацию, несмотря на трудности, можно было решить чисто земными способами, по-человечески: в конце концов, у ладьи есть весла и руль, а апостолы были опытными людьми в морском деле. Пусть с риском, пусть долго, пусть непросто, но можно было попытаться преодолеть трудности, оставаясь в рамках привычной земной реальности. Но что мы видим в Евангелии? К апостолам по воде приходит Христос. И тогда апостол Петр – со свойственными ему смелостью и дерзновением – решает так же идти к Нему по воде.

А теперь давайте задумаемся, в каком положении оказался Петр, когда вышел из лодки и сделал шаг... Ведь люди по воде не ходят! А значит, он сразу – с первым же шагом – вы-

шел из реалий обычного человеческого мира. Он пошел чудесным путем, и это стало решением всей ситуации. До этого было трудно, рискованно, может быть, даже смертельно опасно – но все равно по-человечески. А теперь... Хочешь идти по воде? Иди, пожалуйста.

Но дальше Петр усомнился. В чем? Он вряд ли сомневался в Божественности Спасителя, потому что вскоре после этого события он исповедал его Христом, Мессией: *Ты – Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16: 16). То есть вера как рациональная убежденность в присутствии Бога у Петра была. Но не было пока, мне кажется, веры в себя – в свою живую связь с таким Богом. Что произойдет в следующий момент? Будет ли Господь мне и дальше помогать? Смогу ли я сделать еще один шаг по воде? Вот в каких вопросах, на мой взгляд, можно выразить суть сомнений Петра.

И это напрямую касается нашего разговора:

Петр пережил чудо – сумел пойти по воде, но дальше это потребовало от него еще больше веры, еще большего изменения себя, а он оказался к этому пока не готов...

– А как эти евангельские смыслы выражаются в реальной жизни – например, в вашей пастырской практике?

– Вообще, Евангелие различает чудеса и знамения. Чудо – это когда происходит что-то необъяснимое, нарушается естественный ход вещей, например, исцеляется прокаженный, слепой обретает зрение. А зна́мение – нечто другое.

Это чудо, которое свидетельствует для окружающих о мессианском достоинстве Иисуса Христа. И вот именно этого, как правило, просят у Христа его, скажем так, оппоненты. В том числе и дьявол, когда искушает Иисуса сорок дней после Крещения.

И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушай Господа Бога твоего (Лк. 4: 9–12).

Зна́мения – это чудеса с целью легитимации, своего рода ответ на просьбу: «А докажи, что ты Христос». И именно этих чудес Христос *не совершает*. Почему? Да потому что человек приходит к Богу по вере, а не вследствие доказательств. Тот, кто требует доказательств, как правило, уже заранее для себя решил ни во что и ни в Кого не верить, а значит, если и доказательства ему предоставить, они его не убедят.

Вот пример из реальной жизни. У меня есть школьный друг, очень добрый и милый человек, бывший офицер. Он всегда был страшным скептиком, считал себя неверующим – и при этом бесконечно привозил ко мне в храм разных своих друзей, чтобы я с ними поговорил, помог, помолился. Сам при этом оставался сидеть в машине или в притворе... Пом-

ню, когда нам с ним было лет по двадцать, мы много спорили, и он предлагал мне: «Ну докажи, что Бог есть!» Мне к тому моменту уже надоело приводить разные доказательства, и я ответил: «Хорошо. Давай посмотрим на один шаг дальше. Вот представь, что тебе доказали, что Бог есть. Железно доказали. Не отвертись... Твои дальнейшие действия?» Он напрягся, подумал и говорит: «Тогда я Его не трогаю, и пусть Он меня тоже не трогает!» Ну не хочет человек Бога в свою жизнь пускать... И в общем-то понятно, почему: ведь если на обращение Бога откликнуться, придется измениться самому.

– Это, скорее, антипример...

– Что ж, есть и другой, позитивный. Моего духовного отца, протоиерея Виктора Шиповальникова⁹, почившего в 2007 году, Господь призвал к священству поистине чудесным образом. Отец Виктор был удивительным служителем Церкви и мужественным исповедником – при Сталине сидел в тюрьме за свою веру и священный сан. Батюшка родился в благочестивой верующей семье, но совершенно не мыслил своей дальнейшей жизни как священнослужитель, хотя потом прослужил у престола шестьдесят три года, а прожил де-

⁹ Протоиерей Виктор Шиповальников (1915–2007), в священническом сане с 1943 г. В 1945–1947 гг. в заключении. После освобождения служил в храмах Архангельска, Ростова-на-Дону, Рязани, Московской области. Был знаком с А. И. Солженицыным, который ссылается на рассказы отца Виктора в «Архипелаге ГУЛАГе».

вяносто два.

Примерно в 1933 году, будучи студентом, он увидел, а потом многократно пересказывал, один необыкновенный сон. Он обычный прихожанин, заходит в храм. А там служат вместе три блистательных архиерея. К началу Второй мировой войны в СССР их на свободе оставалось всего четыре... Спрашивает у матушки за свечным ящиком: кто это? Та отвечает: «Сегодня нас почтили своим служением святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст». И вдруг ему говорят: «Тебя зовут в алтарь». «Кого? Меня? – думает он. – Но зачем?» Он идет в алтарь, но оказывается, нужно обязательно надеть подрясник и рясу. На него надевают чье-то облачение... Он объясняет всем, что это ошибка, входит в алтарь – и видит, что сбоку на стульчике сидит отец Иоанн Кронштадтский. Причем надо здесь сказать, что мать отца Виктора происходила из Архангельска и была духовным чадом отца Иоанна, не раз подходила к нему под благословение. Отец Иоанн с улыбкой подзывает его и ведет к престолу. Будущий отец Виктор пытается ему объяснить, что он никакой не священник, но отец Иоанн все равно причащает его по-священнически двумя видами – Святыми Телом и Кровью – и говорит: «Не беспокойся, я все беру на себя». Причастил – и так крепко вытер губы платком, что от этого прикосновения отец Виктор проснулся.

А потом – через 10 лет, в разгар войны, в 1943 году – его рукополагали в день памяти Иоанна Рыльского, небесного

покровителя отца Иоанна Кронштадтского. И рукополагал его митрополит Николай (Амасийский)¹⁰ – духовное чадо отца Иоанна. Много лет спустя отцу Виктору чудесным образом передали епитрахиль Кронштадтского чудотворца. Эту историю он рассказывал в документальном фильме о судьбах Русской Церкви в XX веке «Надеющиеся на Тя да не погибнем» (режиссер В. Н. Шкурко, тоже духовное чадо отца Виктора).

– Известны разные истории, когда человек не смог понести ответственности за произошедшее с ним чудо. Например, Бог чудесным образом спас ребенка от смертельной болезни, а через пятьдесят лет этого человек нашли – он спившийся алкоголик... Как к этому относиться?

– Это страшная вещь. И ставит очень серьезный вопрос о свободной воле человека. К сожалению, я знаю много похожих историй, так как пастырская практика любого священника полна ими. Бог создал человека свободным и не хочет вести его к Себе насильно. Человеку можно создать все условия для обращения к Богу – а он все равно отвернется. Евангельский Иуда три года находился рядом со Христом, то

¹⁰ Николай (Амасийский, 1859–1945), с 1923 г. епископ Николаевский (Пугачевский). После ряда перемещений в 1933 г. – епископ, с 1934 г. – архиепископ Ростовский-на-Дону. С 1935 по 1941 г. в ссылке. В 1942 г. встал во главе учрежденного немцами епархиального управления. В 1943 г. эвакуирован немцами в Румынию. Перешел в юрисдикцию Румынской Церкви. Возведен в сан митрополита.

есть в лучших условиях, которые только могут быть для верующего. И все равно закончил предательством и самоубийством. Никакое чудо не переломит свободной воли людей.

Пришла на память такая история, рассказанная мне моим другом, священником, и лечащим врачом больницы, где происходили события.

В неврологическое отделение поступил молодой человек в коме, которая наступила вследствие тяжелых травм. Или, скажем уж прямо, побоев, к которым его закономерно привел избранный образ жизни. Родственники горячо молились об исцелении болящего, о том, чтобы он пришел в сознание. Пригласили священника. Он пособоровал молодого человека и предупредил: если очнется – надо будет сразу же причаститься, зовите меня. И случилось чудо: юноша действительно пришел в себя, попросил пить, есть. Всеобщая радость затмила все на свете, про предупреждения батюшки никто и не вспомнил. Решили: все плохое позади, теперь выздоровеет!.. А больной прожил в сознании дня три и умер. Без Причастия...

– Бог и человек желают чуда своему ближнему, но есть, скажем так, «третья сторона» – тот, кто не желает этого чуда. А если речь идет только о воле самого просящего? Если человек всеми силами молится о чуде – а оно все равно не происходит, как здесь быть?

– Бывает и такое... Например, часто встречаются случаи,

когда женщина долго молится о рождении ребенка. Просит, просит, просит – а ответа все нет... Но, может быть, на нынешнем жизненном этапе она просто не готова к тому, чтобы быть матерью? Может, Господь видит, что она начнет роптать и унывать, а то и вовсе истязать ребенка, не перенеся обычных родительских тягот?

А потом, бывает, все разрешается. Вот пример из жизни. Иногда я по приходским делам бываю в одной организации. Женщина, сотрудница, узнав, что я священник, попросила о ней помолиться. Я помолился и забыл. А потом, когда мы с ней снова увиделись, она говорит: «А у меня в жизни чудо произошло, мы с мужем ждем ребенка. Так долго у нас детей не было, и вот теперь – большая радость! Хочу в храм прийти – Бога поблагодарить. Что мне нужно сделать?» Вот пример того, как в нашей жизни действует чудо: человек находился совершенно вне церковной реальности, но какое-то небольшое страдание, лишение в итоге приводит его к Богу, к желанию молиться.

Бог – живой. Он гораздо живее нас в том смысле, что наша жизнь – это лишь отблеск, отголосок Его личностного бытия. Поэтому перед нами всегда колоссальное многообразие вариантов. То, что случается у одного человека, иногда и во все становится предметом зависти и ревности для другого. Причем, как ни странно, даже среди православных верующих. Это настоящее духовное искушение. Дескать, «почему она молится – и у нее все получается: и дочь замуж вышла, и

в своей семье мир? А я сколько лбом об пол ни бью, ничего не выходит...». Все это индивидуально, и очень зависит от того, что у нас внутри.

Иногда чудо – это что-то очень простое. Например, человеку нужно найти себя. Вот мучился человек долго-долго в нелюбимой профессии, а потом вдруг раз – и обрел то, что на самом деле оказалось интересным. Чем не чудо?

Сплошь и рядом встречаешь девушек, которые молятся о встрече с хорошим женихом. Чуть реже, но попадаются и молодые люди, которые просят Бога послать им невесту. И при всем этом удачно сложившаяся семья – это тоже чудо. В смысле – явное Божественное участие в судьбах людей, явный Промысл о них.

Когда я был юношей, меня этот вопрос тоже интересовал. Помню, я съездил на исповедь в Троице-Сергиеву Лавру к одному из самых авторитетных духовников. Мне запомнились его слова: «Удивительное дело. Вот приходят молодые люди, как ты, – ищут невесту. Приходят девушки – ищут жениха. И иногда кажется: как было бы просто – взять таких двоих и соединить. Познакомились – и вот вам пара. Как Суворов крестьян женил... Но нет. Так механически никогда не получается. Потому что что-то таинственное должно произойти, должно возникнуть родство душ... Как это происходит – тайна».

Действительно, Божие водительство и Его Промысл – тайна. Я убедился в этом на собственном опыте. Однажды, ко-

гда я был псаломщиком на приходе у своего духовника отца Виктора Шиповальникова, он вдруг берет меня за руку, подводит к иконе Феодосия Черниговского¹¹ и говорит: «А это – святитель Феодосий». И все – больше ничего не сказал. И вспомнил я об этом спустя несколько лет, когда выяснилось, что моя будущая невеста родом с Украины, училась в Чернигове и очень почитает святителя Феодосия. Так он стал покровителем нашей семьи. Для меня это чудо особенное еще и потому, что связано со святым, прославленным Церковью, это олицетворение реальной связи земного мира и небесного.

Был и другой случай. К нам в храм ходила девушка, красивая, умная, с высшим образованием, и все никак не могла найти жениха. Прямо беда. Все хорошо, а вот любимого нет. Сильно переживала по этому поводу... И почему-то мне в голову пришло ей сказать: «Может, твоего человека еще здесь нет? То есть физически нет; он может быть где-то в другом городе, или даже в другой стране – и должен приехать...» Какое-то время мы не виделись, а потом она вдруг появилась радостная и счастливая: действительно, будущий муж приехал из другого города. К тому же оказался сыном священника. Сейчас это прекрасная семья.

В чем для меня глубина этой истории? Девушка роптала, унывала, а Господь в это время, заботясь о ней, подбирал ей

¹¹ Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский (1630-е – 1696). Причислен к лику святых в 1896 г.

самое лучшее – по чистоте ее души и сердца.

– А может ли Господь совершить чудо по нашей неотступности – грубо говоря, если долго-долго просить?

– В Евангелие есть фраза на эту тему: «Вера твоя спасла тебя».

Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет, много потерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние, – услышав об Иисусе, подошла сзади в народе и прикоснулась к одежде Его, ибо говорила: если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею. И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни. В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде? Ученики сказали Ему: Ты видишь, что народ теснит Тебя, и говоришь: кто прикоснулся ко Мне? Но Он смотрел вокруг, чтобы видеть ту, которая сделала это. Женщина в страхе и трепете, зная, что с нею произошло, подошла, пала пред Ним и сказала Ему всю истину. Он же сказал ей: дочь! вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей (Мк. 5: 25–34).

Кровоточивую спасла вера во Христа как в Мессию. Она была настоящая иудеянка и верила в то, что Христос – тот самый, о ком предсказано в Писании: должен был прийти чело-

век, который станет пророком, царем и первосвященником. И если первосвященство Христа открылось только на Голгофе через Жертву, то в том, что Он Царь и Пророк, можно было убедиться уже через Его проповеди. Но мы ведь видим, что далеко не все, кто их слышали, поверили и последовали за Спасителем. В этом смысле смелость женщины, ее дерзновение, за которые она и получила в награду исцеление, — именно в вере, в признании Иисуса Мессией, а не просто в решимости протянуть руку и коснуться Его хитона.

Пример этой женщины важен еще и тем, что в Евангелии мы видим и противоположный опыт — секту саддукеев, которые не признавали бессмертия души, насмехались над идеей воскресения, а значит, все, что говорил Иисус, не принимали. Они были духовенством ветхозаветного храма, но никакой внутренней религиозной жизни у них не было. От их веры осталась тонкая внешняя скорлупа обрядности, из-за чего Христос и сказал о них, а также о книжниках и фарисеях:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты... (Мф. 23: 27).

Вот они как раз ни в какое чудо не верили. А для той кропотливой исповедание Иисуса Христа Мессией в каком-то смысле «автоматически» означало его способность творить чудеса.

– Отец Михаил, а какие чудеса свершались с вами лично?

– Об этом трудно рассказывать. Чудо, случившееся лично с тобой, настолько вписывается в контекст твоей собственной жизни, что его невозможно оттуда изъять. Рассказанное просто так, для назидания, оно оказывается лишено своей силы, и в него мало кто верит. Ну вот, например, была такая история...

Когда я служил в Николо-Кузнецком храме в Москве, мне часто доводилось ездить в командировки в качестве преподавателя ПСТГУ. Бывали поездки в очень удаленные города, куда мы летали самолетом. И вот возвращаюсь я однажды в Москву, рейс сильно задерживают, и мы узнаем, что приземлимся поздно ночью. Нам пообещали, что предоставят автобус, но на земле выяснилось, что автобусы ходят только до тех пор, пока открыто метро. Вышел в зал аэропорта и вижу, что среди пассажиров, как хищники, ходят таксисты и заламывают астрономические цены. Очень не хотелось платить попусту такие деньги – но не оставаться же в аэропорту до утра? И я почему-то начал молиться святителю Николаю. Причем, помню, молился очень просто, по-бытовому: «Святителю отче Николае, ты знаешь, что я нечасто к тебе обращаюсь. Я служу в твоём храме, помоги мне сейчас! Совсем чуть-чуть – чтобы мне доехать из аэропорта в город». Помолился и успокоился. Смотрю, за мной какой-то таксист все ходит, зовет с ним ехать и все сбавляет цену – мол, его сейчас уже со стоянки погонят, поехали хоть так... Я подумал

и согласился. По дороге мы с ним разговорились, всплыло, что я священник и преподаю в Свято-Тихоновском университете. И тут вдруг мой водитель говорит: «Да у меня же там сын учится!» Его это почему-то так поразило, что он тут же позвонил сыну – в два часа ночи! – уточнить... А сын оказался нашим аспирантом.

Подъехали к храму. В тот момент я уже догадался, как зовут моего таксиста, но для проверки решил спросить. Ну конечно, иначе и быть не могло:

Николай!.. Он не взял с меня ни копейки денег, сказав: «Это все неспроста, это чудо, и мне Господь за это гораздо больше воздаст».

– Вы упоминали в нашей беседе чудесные сны, в которых людям что-то открывалось. Но Церковь учит относиться к снам с большой долей осторожности...

– Верно. Преподобные Оптиные старцы учили, что если сон от Бога, то его, как правило, даже и не нужно толковать – в нем все ясно, просто и однозначно. Все остальное, что не несет в себе такой ясности и простоты, – как правило, бесовское воздействие, и ему верить не следует.

В подтверждение приведу еще один пример.

У одной моей прихожанки умер сын – трагически погиб в результате автомобильной аварии. Ее повествование об этом событии меня до глубины души поразило и продолжает поражать. Эта женщина воспитывалась в семье людей верую-

щих, пострадавших от гонений в 30-е годы. После этого ее родители затаились настолько, что детям о Церкви ничего не рассказывали. Так что росла она совершенно светским человеком.

Когда она впервые рассказывала мне о гибели сына, меня удивило то, что за ее словами не чувствовалось травмы, надрыва. Ведь часто бывает, что даже если потеря случилась двадцать-тридцать-сорок лет назад, то говорить и вспоминать об этом все равно больно, и когда с человеком общаешься, видишь, что в этом месте у него все равно оголенный нерв. А тут – нет.

Я поинтересовался ее историей.

И она рассказала, что когда вскоре после гибели сына она уже дошла до пика отчаяния, он стал ей сниться. Это можно было бы списать просто на перегрузку психики, внутренний кризис и так далее, но мальчик в этих снах стал буквально пересказывать Евангелие, и не просто пересказывать, а еще и объяснять смысл. Он подробно излагал ей все то, что позже, уже воцерковившись, она прочла в брошюрах о посмертной жизни, например, во всем известных «Мытарствах блаженной Феодоры»¹². Эти сны с необычайной ясностью повторялись день за днем настолько отчетливо, что женщина отвлеклась от горя и стала записывать наутро все, что сын ей

¹² «Мытарства блаженной Феодоры» – наиболее известный рассказ о мытарствах, которые проходит душа после смерти. Входит в состав «Жития Василия Нового».

рассказал во сне. А рассказывал он о праведных, заслуживших Божье благословение родственниках. Говорил, что он не один, с ним ангел-хранитель. Упоминал, что «его взяли в светлое воинство». Но заканчивался каждый сон одним и тем же, сын говорил: «Молитесь Богу. Идите в храм. Вера вас спасет». И как только эта женщина вняла совету сына, впервые серьезно исповедалась и причастилась, эти странные ночные встречи прекратились. И человек просто переродился: она начала молиться за своего сына с полным пониманием того, что он – жив. И до сих пор так живет.

Конечно, не всем родителям, потерявшим детей, Господь посылает такое необычайное утешение.

Вероятно, этой женщине было нужно именно это – ведь она уже много лет усердно трудится в храме Божиим, совершенно безвозмездно делает там много нужных дел. Просто ради Бога и ради Церкви. Причем с тех пор с ней случилось еще много испытаний, но после того, чему ее научил сын, ее уже ничто не могло поколебать. Она ни разу не отступилась. Она знает: вечная жизнь – есть. А все испытания – это временное.

И эта история для меня в каком-то смысле венчает весь наш разговор: как из страшнейшей потери может вырасти такое счастье... Разве это не чудо?

Ощутить дыхание жизни, или Чудо как вразумление

*Беседа с протоиереем Георгием Бреевым, настоятелем
храма Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском*

«Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какую бы ни был одержим болезнью. Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня. Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел. Было же это в день субботний. Посему Иудеи говорили исцеленному: сегодня суббота; не должно тебе брать постели. Он отвечал им: Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи. Его спросили: кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель

твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте. Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже. Человек сей пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус».

Евангелие от Иоанна, 5: 2–15

Только вдумайтесь: человек лежал больным – расслабленным – тридцать восемь лет. Очевидно, большую часть своей жизни. Вокруг рождались и выросли дети, сменялись правители и первосвященники, наступали разные времена года – а он все лежал, болел, и тридцать восемь лет ничего не менялось. И, наверное, за эти долгие годы так или иначе могла прийти мысль: «За что мне это? Как мне исцелиться?» Вот тут и начинается самое интересное: на что уповает расслабленный? На помощь другого человека, который должен опустить его в источник. А в это время рядом с ним стоит Христос, Сын Бога Живаго, перед Которым только и можно вопрошать: «За что мне это? Как мне исцелиться?», Которому только и дано подлинно исцелять... Но человек Его не замечает. Для многих толкователей этот эпизод – о том, как можно упустить шанс встретить Бога.

Так что же здесь имеет отношение к чуду? Можно ли сказать, что длительная немощь – тоже часть чудесного исцеления? И значит ли это, что чудо бывает болезненным и неприятным? И зачем тогда Господь посылает такие чудеса?

– Некоторые толкователи приводят сюжет о расслабленном у Овечьей купели как пример того, что человек не использовал свой шанс встретить Бога. Перед ним стоял Сам Спаситель, Сын Божий, способный в том числе и сотворить чудо исцеления, но расслабленный все ждал человека, который опустит бы его в источник...

– Образ расслабленного, лежащего у Овечьей купели, очень интересен, и я бы даже углубил ту интерпретацию, которые вы привели. Этот отрывок из Евангелия читают на пятой неделе после Пасхи – то есть в пасхальные дни, в самый светлый и убедительный период духовного торжества. Странное соседство: небывалая радость Воскресения Христова – и вдруг положено читать такой «обыденный» эпизод... Я иногда даже мысленно сокрушаюсь: «Неужели нельзя было найти более подходящего текста для пасхальных недель?» Ведь так не хочется в эти радостные дни примерять на себя образ этого расслабленного! Но потом смотришь на него еще раз и понимаешь: да, эта история действительно – о тебе. В образе расслабленного узнаешь свою косную человеческую природу, настроенную только на обыкновенный порядок вещей. Вот родился человек – и пошло: детский сад, школа, институт, работа, пенсия... И везде учителя говорят: «Все этому порядку следуют – и ты следуй. Так заведено. Так будешь богатым и счастливым». А Бог вдруг берет и – раз! – вышибает нас из этого порядка. Заболел человек! Или все

потерял! Или еще что... Некоторых это перерождает. После этого начинаешь смотреть на мир иначе – как будто из другой точки: «Бог меня взял и поставил на свое место, где я научился быть благодарным».

И ведь состояние, когда ты не заиклен на таком порядке вещей, – это то состояние, которое у человека было изначально – в раю. Бог создал Адама и Еву и дал им изобилие духовного мира вокруг и их собственную природу. Человек же решил оставить себе только последнее, а от первого отказаться...

Я всегда говорю: ко греху ведет не бедность, а богатство. Когда мы богаты, нам очень легко подумать, что богатство – это заслуга нашего ума, наших сил, нашего таланта. Мы концентрируемся на себе, ставим себя в центр мира. Но помните, как писал Блаженный Августин¹³ в «Исповеди»: «Господи, Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе»? Бог вложил в человека частичку Божества – и это то самое подлинное, что в человеке неизменно – не зависит от внешних обстоятельств, от социального статуса. Но часто оно в нас вроде есть, а как будто его и нет... И вот посмотрите на расслабленного у Овечьей купели. Он не верит в чудо, не верит, что существует что-то еще, кроме привычного и знакомого ему порядка вещей: один раз в год, словно по расписанию, ангел спускается в ку-

¹³ Блаженный Августин (354–430) – христианский теолог, философ, проповедник, с 395 г. епископ Гиппонский.

пель, возмущает воду, туда нужно успеть опуститься первому, он каждый раз не успевает и ждет следующего года. И тут перед ним возникает Христос – Живой Бог, способный взорвать этот порядок вещей, но расслабленный этого не видит – и упрямо продолжает: не имею человека, который опустил бы меня в источник...

– Получается, чудо – это попытка Бога нас вразумить, заставить встрепенуться, оглянуться и преодолеть привычный порядок вещей, что как раз не получилось у того евангельского расслабленного?

– Да. В Евангелии есть еще один любопытный эпизод на эту тему – история об исцелении десяти прокаженных.

И когда входил Он в одно селение, встретили Его десять человек прокаженных, которые остановились вдали и громким голосом говорили: Иисус Наставник! помилуй нас. Увидев их, Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились. Один же из них, видя, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя (Лк. 17: 12–19).

Люди, зараженные проказой, не имели права жить среди здоровых. Им строили отдельные селения вдали от городов.

На предмет проказы людей обследовал священник и выносил решение. Это было заболеванием неизлечимым и мучительным: человек заживо гнил, от него кусками отваливалась кожа, потом мясо...

Увидев Христа, прокаженные начали громко кричать – ведь подойти к нему они не имели права. И Христос даже не стал их ни о чем спрашивать, не стал испытывать их веру, как в некоторых других евангельских эпизодах. А главное, он не совершил никакого внешнего жеста – даже не дотронулся до них. Он просто велел идти и показаться священнику – и по дороге они исцелились.

Со стороны кажется, что никакого акта Божественного вмешательства не было вовсе. Евангелие подчеркивает, что один из десяти прокаженных был язычник – самарянин. Он один и вернулся, и упал к ногам Христа и благодарил. То есть он реально увидел – несмотря на отсутствие внешних жестов – присутствие Бога в самом дыхании жизни.

«А где же остальные девять?» – спрашивает Спаситель. Из десяти исцеленных только для одного чудо стало вразумлением. И это ответ на все времена.

Я хорошо помню советский период, когда все были комсомольцами, когда в домах людей не было икон, когда девять человек считали, что так и должно быть, а один – десятый – чувствовал, что не может жизнь быть такой пустой, что должен быть в ней какой-то более высокий смысл. Ведь если есть человеческий разум, значит, должно быть что-то выше

этого разума, потому что Кто-то – но не я сам – этот разум привел в действие.

Один из десяти исцеленных все же почувствовал, что есть источник всех благ – Бог. А это чувство побуждает человека не только просить, но и благодарить. Многие святые в своих текстах отмечают, что благодарность тому, кто сделал тебе добро, – это залог на будущее, чтобы и впредь просить о помощи. Благодарить человека – и тот думает: «Вот с какой благодарностью мне отвечают! Я ему и в следующий раз помогу». То же самое в отношениях с Богом. После нашего слова благодарности – пусть даже самого маленького – Бог не может остаться безразличным. Благодарность обязательно вызывает новую милость с Его стороны. Как говорил кто-то из святых: «Господи, Тебе легче мне подать, чем мне у Тебя попросить».

И здесь в полный рост встает вопрос веры.

Те девять прокаженных, что не пришли благодарить, – как иначе, чем через Божье чудо, они могли бы себе объяснить факт своего исцеления? И почему тогда не пришли благодарить? Или они вовсе не пытались объяснить?

Эту логику рассуждения я тоже хорошо помню опять-таки по советскому времени. Случается чудо – и люди, чтобы объяснить его, принимаются изыскивать обстоятельства, изобретать факты, плодить домыслы. Им сгодится все что угодно, только не идея Бога.

– Вы постоянно возвращаетесь к мысли, что чудо – это

сама жизнь, потому что жизнь – Сам Бог...

– Давайте снова вспомним историю о расслабленном и сравним его с собой. В чем наша расслабленность? В том, что, опираясь только на свои естественные силы, человек рано или поздно потерпит крах. Поэтому чудо для нас – это когда Бог стучится в наши сердца и Вечность хочет приоткрыть себя в той форме, в которой мы готовы ее воспринять. И ты начинаешь чувствовать какое-то водительство свыше, которое пронизывает всю твою жизнь. Обстоятельства должны были сложиться так – и вдруг складываются совершенно иначе. И ты видишь в этом руку Господа.

А когда человек подлинно приходит к Богу, когда получает Его за привычным порядком вещей разглядеть, он вдруг с удивлением начинает чувствовать то, о чем раньше даже не задумывался. Вот мое дыхание, вот моя жизнь течет секунда за секундой, а разве сама жизнь – не чудо?

Семьдесят восемь лет назад меня, протоиерея Георгия Бреева, не было. И кто появился на свет? Жалкое существо, которому предстояли голод и война... В детстве, помню, у меня будто открылось сознание: «Боже мой! Неужели жизнь состоит только из *этого*?» И я почувствовал, что так быть не может. Нет, есть что-то еще, к чему нужно стремиться, стучаться. И это что-то – самое главное.

Вся история XX века показывает нам, что мы сегодняшние получили самое большое чудо – нашу жизнь. Ее нужно оценить, ее нужно принять как Божественный дар – вечный,

неизменяемый. «Жизнь жительствоует» – в этих словах святого Иоанна Златоуста скрыта такая глубина!

Великую Отечественную войну я застал ребенком. И позже, когда уже стал священником, часто слышал рассказы, как тяжелые испытания войны многих по-настоящему приводили к вере – сердца людей на фоне трудностей поворачивались к познанию Бога. Ведь в 30-е годы было достаточно всего лишь произнести слово «Бог», чтобы человека назвали «врагом народа». И все равно тех, кто верил, Господь вел и слышал их молитвы. Есть такой афоризм: чем небо темнее, тем ярче звезда. Чем больше скорбь, тем ближе Бог. Наши атеисты думали в 30-е: «Всё – с Церковью покончено». Но когда в 1943 году Сталин чуть ослабил гонения, храмы буквально затрещали по швам! Такой наплыв людей! Религию запретили, но вера из сердец никуда не делась. Промысл Божий никогда не бездействует. Солнце встает каждый день – несмотря ни на что. Так и Бог наличествует в мире. Кто-то из святых сказал, что если бы Бог прекратил свои действия в мире хоть на секунду – вся вселенная рассыпалась бы. Каждая молекула держится на Божьей энергии – на единстве вечности и земного мира. Это чудо, которое вокруг нас каждый день. Меня в свое время поразила мысль святителя Василия Великого, что Царство Божие можно увидеть, если просто с чистой душой созерцать мир и замечать, как в нем действует Бог. Если только мы не закрываем глаза, не отворачиваемся, не говорим Богу «нет», вера дает удивительные возможно-

сти.

– Получается, вы ставите знак равенства между Божиим Промыслом и чудом?

– Да. Бог создал вселенную и каждого привел из небытия в бытие. Ни одна мысль и ни одно движение сердца человека не остаются сокрытыми. Все Ему ведомо.

Для наших современников очевидным фактом уже стало то, что можно взять в руки небольшой электронный прибор и через него услышать или увидеть человека на другом конце света – в Японии, в Америке, где угодно... Для верующих всеведение Бога – такой же неоспоримый факт. Бог – везде. Перед тобой здесь и сейчас – вот Он! Никуда от этого не деться. Поэтому псалмопевец Давид и говорит: *Предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15: 8).

То есть я всегда видел Бога перед собой. Я всегда обращен к Богу, а Он ко мне. Вот чудо, которое не требует никаких доказательств, потому что сама жизнь об этом говорит.

Но, когда нужно, Господь проявляет Себя сверх этой меры – через чудеса. Как правило, чтобы человека утвердить в вере и опять же вразумить – открыть глаза на что-то, достучаться, заставить преодолеть собственную толстокожесть. Воскресший Христос явился апостолам – и те недоумевали. Вообразите: апостолы – и недоумевали!

В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих

событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израйля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И

когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его (Лк. 24: 13–31).

Если апостолы не сразу узнали воскресшего Христа, то что говорить о нас? Нам иногда по-настоящему нужно чудо.

– Почему нам – в том числе и тем, кто называет себя верующими, – так непросто почувствовать и осознать, что Бог каждую секунду рядом с нами и проявляется во всем?

– Все упирается в желание. У философа Владимира Соловьева¹⁴ есть такая мысль: главное достижение дьявола в том, что он сделал духовные вопросы неинтересными для людей. Это было сказано еще в XIX веке и остается актуальным до сих пор. Человек вроде считает, что интересуется огромным количеством разных вещей, но вот самой жизнью – ее сутью – пренебрегает. Эту внутреннюю закрытость души в разные эпохи называли по-разному: раньше был красивый термин «индивидуализм», теперь стали называть как есть – эгоизм. А жизнь, наоборот, – это процесс раскрытия себя для мира и для людей. Но человек как будто намеренно сужается, обособливается, сажает себя в капсулу, в футляр.

Первое, что нужно сделать, чтобы увидеть свою жизнь как чудо, – это преодолеть внутреннюю застенчивость, самодо-

¹⁴ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – русский религиозный мыслитель, мистик, поэт, публицист, литературный критик; почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности (1900). Стоял у истоков русского «духовного возрождения» начала XX в.

вольство, чувство самоисключительности и самодостаточности. Если честно на себя посмотреть, то как я могу быть самодостаточным? Я же на самом деле немощен! Я рождаюсь – и мне тут же нужна забота родителей, в школе мне нужна забота учителей. И так далее. Человек думает, что он – самодостаточен, но не замечает, что на самом деле он – законченный потребитель.

– И вывести его из этого состояния, пробить эту скорлупу может как раз чудо.

– Да, но само по себе чудо ничего не даст, если не будет работы собственной мысли. Сегодня принято концентрироваться на материальных интересах. Дескать, сосед зарабатывает столько, что мне и не снилось, почему же я столько же не зарабатываю? Я должен теперь приложить все усилия, чтобы достичь того же уровня комфорта. Но ведь главное-то в жизни – не это. Господь сказал: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6: 33). Как это Царство искать? Где? Не нужно пренебрегать тем богатством, которым обладает Церковь. Священное Писание, Священное Предание, литургическая жизнь – вот пути поиска Царства Божьего. Конечно, не сразу, не с наскока, но постепенно, шаг за шагом. Так и идет работа мысли. На примере собственных родственников я вижу, что даже те, кто в советские годы были убежденными атеистами, к концу жизни обращаются к Богу. Потому что тот, кто думает,

рано или поздно к вере придет. А не придет тот, для кого жизнь подчинена привычному порядку вещей: «Ушел на работу, пришел с работы, телевизор включил, рюмашечку выпил – и больше ничего не нужно».

– Состояние, в котором ясно переживаешь присутствие Бога, можно удерживать день, два, неделю, но потом так или иначе ты его теряешь и словно обмирщаешься. Как тут быть?

– Снова в него погружаться. Знаете, некоторые сетуют: мол, чувствую, что угас во мне светильник веры. Значит, надо зажечь! Ведь в пище ты нуждаешься каждый день – и поэтому питаешься регулярно: завтрак, обед, ужин. Если болеешь – лекарство принимаешь тоже регулярно. Все это – необходимое условие для поддержания твоего физического существования. Но слово – особенно слово Священного Писания – это тоже пища. И его тоже нужно «потреблять» каждый день. Если человек не обращается к слову Божьему, к слову молитвенному, не использует его силы и возможности – он слабеет. А когда обращается – набирается сил. И постепенно чувствует, что ясно переживать присутствие Бога становится потребностью жизни души.

Самая большая ошибка человека – это остановиться. То есть решить: я умный, я достиг какого-то духовного уровня, и мне больше ничего не надо. Но душа-то все равно тоскует, ум-то все равно мятется – все равно внутренне чувствуешь потребность в чем-то большем. Я знаю множество таких лю-

дей: всем обеспечены – и все равно ощущают томление духа.

– В состоянии чуда – в состоянии встречи с Богом – нельзя замереть. Нужно постоянно двигаться дальше. Но что конкретно должно стать следующим шагом?

– Во-первых, как мы говорили, благодарность.

А во-вторых – ответ дает само Писание. Вот посмотрите. Свершились новозаветные события: Христос воскрес, в день Сошествия Святого Духа родилась Церковь, ее члены обрели особые дары, например, исцеления и говорения на незнакомых языках, – а что дальше? Как должна начать христианская община жить? Вот я христианин – чем мне руководствоваться, что делать, куда идти и зачем? И апостол Павел формулирует:

Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею (Деян. 20: 28).

Внимайте себе. Простая, но кардинальная истина. Да, Бог может что-то сообщать человеку через чудеса внешнего мира, но они скажут человеку намного меньше того, что он может открыть в мире внутреннем. Если ты собран и исследуешь собственную мысль – к чему она клонится, – то отсюда и начинается подлинная духовная жизнь. «Почему эта мысль ко мне пришла? Почему у меня смятение? Почему еще секунду назад я чувствовал себя иначе? Что произошло? Так, допустил гнев. Возгордился перед другом». И так далее. Вот

они – первоисток нашего общения с Богом. И неслучайно из заповеди «внимайте себе» родилась христианская аскетика. Святой Дух – живой. Он действует в нас. Но мы отчего-то не хотим смотреть внутрь. Нам удобнее, чтобы Бог поучал нас плеткой – вразумлял чудесами.

Внимать себе – самый простой и естественный путь к духовному миру, к познанию его природы. Если Христос сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17: 21), – значит, это Царство не молчит, оно говорит внутри нас ежедневно – в наших добрых мыслях и помышлениях.

– Вы говорили о том, что чудо призвано вразумить. А вразумляет человека, как правило, что-то трагическое. Получается, чудом следует признавать и, скажем так, неприятные события?

– Бог допускает чудеса «наказательные», смысл которых – вразумить и спасти от дальнейших шагов, после которых человека ждет уже совсем крошечный ад.

У меня на приходе был такой случай. Прибегает мужчина в храм и в ужасе просит отправить священника к нему домой – говорит, там происходит что-то странное: посуда падает на пол сама собой, занавески сами собой занимают огнем, неизвестно откуда взявшимся. Спрашиваю: «А что вы делали в квартире? Такое на ровном месте не случается...» Он говорит: «Дочка у меня шаманка, в своей комнате какие-то обряды совершает, – а сам все кричит: – Батюшка, спаси-

те!» Ему из дома по телефону звонят и тоже в трубку вопят: «Если священник не придет, мы тут погибнем!» Я отправил к ним священника, огонь удалось потушить. Книги шаманские, вещи ритуальные – все велел им выгребать и сжигать. На их глазах разгорелся адский огонь в одной отдельно взятой квартире. Чудо это? Чудо. И Господь через это чудо говорит: последний шанс вам даю – опомнитесь! Отношение к такого рода вещам, как шаманство, в Библии сформулировано однозначно:

...Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего... (Втор. 18: 10–12).

В Библии много примеров таких чудес, которые призваны вразумить. Например, всем известная история городов Содома и Гоморры. Почитаешь, какие там совершались беззакония, – просто уши вянут! Как люди могли *так* развратиться? И Господь их наказывает.

И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли. Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом (Быт. 19: 24–26).

И праведный Лот с женой уходят из города, а Господь велит им не оглядываться. Почему? Потому что оглянуться – значит пожалеть этих людей, проявить сочувствие к их городу и будто погоревать: мол, какой замечательный благоустроенный край, и зачем его разрушать? Но Господь иначе не может, потому что нужно пресечь любые контакты с этими людьми – как с теми же прокаженными. Для исчезновения чего-то в мире есть два пути, два образа: тление и выжигание огнем. Тление – естественный процесс: вещество постепенно разлагается, и земля, из которой оно когда-то произошло, принимает его обратно. А огонь – насильственное очищение, фактически санитарная норма: все то, что не годно для жизни, предается огню.

– Жена Лота все же повернулась – и превратилась в соляной столп. Получается, Бог наказал человека за сочувствие – пускай и к грешнику?

– Этот соляной столп – памятник на все времена. Есть моменты, когда Господа просто надо послушаться. Если ситуация в Содоме и Гоморре такова, что Бог решает истребить их жителей, значит, дело и вправду настолько чрезвычайное, настолько серьезное, что сомневаться в Божьих словах непозволительно и надо просто исполнять.

– Кого-то может смутить то, что у чуда может быть «наказательный» характер. Как же так: Бог, который «есть лю-

бовь», – и вдруг наказывает?

– Очень тонкий вопрос. Есть грань, за которой Бог наказывает нечестие. Потому что если не наказать, то нечестие начнет распространяться, как эпидемия, заражая сначала одного человека, потом все общество, потом весь мир. И когда Господь видит, что – как в случае с Содомом и Гоморрой – человек до такой степени болезнь запустил, что вылечиться уже не может и, главное, не хочет, Бог вынужден принимать экстренные – своего рода санитарные – меры. Как их оценить? Думаю, они не означают, что Божья любовь на время отменяется. Просто Господь вынужден действовать, как хирург, – ампутировать зараженное место, чтобы инфекция не пошла дальше. Это не оскорбляет и не унижает человеческое достоинство.

И в то же время Божья любовь неизмерима и превосходит нашу земную логику. Нет такого греха, который она не могла бы покрыть. Знаете, ко мне иногда на исповедь приходят люди с тетрадью, чуть ли не полностью исписанной перечислением грехов – и начинают идти по списку. Я обычно останавливаю, потому что покаяние – это не бухгалтерия. Мне не нужно знать все пункты, все подробности. Не этим измеряется состояние человека. Покаяние – это прозрение милости Божьей над собой. Осознание того, что Он тебя – вот такого грешного – все равно любит. Поэтому я всегда предлагаю такой образ: твои грехи – как горсть песка. Ты хоть десять грузовиков с песком высыпи на берег океана, волна все рав-

но все смое^т и поглоти^т. И океан не выйде^т из берегов. Бо-
жья любовь и е^сть такой океан.

Почему на Луне не бывает чудес, или Чудо как изменение человеческого сердца

Беседа со священником Сергием Кругловым, поэтом, публицистом, лауреатом премии Андрея Белого (2008)

«Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее. Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими. Сестры послали сказать Ему: Господи! вот, кого Ты любишь, болен. Иисус, услышав то, сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий. Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря. Когда же услышал, что он болен, то пробыл два дня на том месте, где находился. После этого сказал ученикам: пойдем опять в Иудею. Ученики сказали Ему: Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда? Иисус отвечал: не двенадцать ли часов во дне? кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним. Сказав это, говорит им потом: Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его. Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет. Иисус

говорил о смерти его, а они думали, что Он говорит о сне обыкновенном. Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдем к нему. Тогда Фома, иначе называемый Близнец, сказал ученикам: пойдем и мы умрем с ним. Иисус, придя, нашел, что он уже четыре дня в гробе. Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати; и многие из Иудеев пришли к Марфе и Марии утешать их в печали о брате их. Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла навстречу Ему; Мария же сидела дома. Тогда Марфа сказала Иисусу: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Веришь ли сему? Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя. Она, как скоро услышала, поспешно встала и пошла к Нему. Иисус еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа. Иудеи, которые были с нею в доме и утешали ее, видя, что Мария поспешно встала и вышла, пошли за нею, полагая, что она пошла на гроб — плакать там. Мария же, придя туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его и сказала Ему:

Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмущился и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его. А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер? Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию? Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня. Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет».

Евангелие от Иоанна, 11: 1–44

Любой школьник читал о воскрешении Лазаря уже хотя бы потому, что в программе по литературе есть «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Этот евангельский эпизод много раз становился сюжетом романов и картин и

даже как будто немного покрылся музейной пылью. Но если попытаться пыль сдуть – и посмотреть на ситуацию вблизи: как будто это произошло с тобой... Твой друг или родственник Лазарь четыре дня был мертв, но воскрес и... вернулся домой. Вот он снова сидит за столом, снова ест ужин. А ты сидишь напротив, оторопев. Чудо произошло вроде бы с Лазарем, но на самом деле – и с тобой тоже. И вся ситуация ставит перед тобой вопрос: зачем? Какой перемены во мне ждет Бог, когда обращается вот так – на языке чудес?

– Отец Сергей, а вы помните тот момент, когда сами впервые прочли в Евангелии о воскрешении Лазаря?

– Помню, что много раз до того я это место из Евангелия от Иоанна читал, но вот однажды, наконец, по-настоящему *прочел*. Говоря грубоватым молодежным языком, в какой-то момент меня «торкнуло». И поразило больше всего то, что Господь заплакал: «Иисус прослезился», – так говорит нам текст. Мне сразу стало понятно, что такое неравнодушное, сердечное, личное отношение к человеку, такая дружба и такая любовь – это то, что Господь испытывает к каждому из нас. И с тех пор я каждый день – и с годами все больше и больше – убеждаюсь: Бог любит не человечество вообще, Ему нужен и ценен каждый человек в отдельности.

– Евангельские сюжеты – не просто пересказ случившихся когда-то давно событий. Это символический слепок с ре-

альности, которая продолжается и сегодня, в нашей обычной жизни. Но что за реальность выражена в истории Лазаря – в воскрешении человека из мертвых?

– Я был знаком с человеком, пережившим клиническую смерть, он побывал за порогом жизни и вернулся. Ему было очень трудно говорить и подобрать слова, чтобы описать то, что он там увидел. И все же со стороны было совершенно очевидно, что внутренне он радикально изменился. Другим стал сам его характер. Раньше он был несколько капризным и истеричным. В чем-то домашним тираном. У него было много болячек, которые и привели его в реанимацию, и он привык, что о нем заботятся, вокруг него ходят на цыпочках. Как у многих пожилых людей советской закалки, у него было специфическое отношение к Церкви: ему казалось, что храм – это разновидность социальной службы, ведомство милосердия, где ему, как пенсионеру, все что-то должны, где предполагается, что все с ним возьмется и утешают. Но после клинической смерти он стал спокойнее. Откуда-то у него появилось чувство юмора, которого не было раньше. А еще – и это, возможно, самое главное – появился намек на то, что в христианстве называется смирением. Когда читаешь об этой добродетели в книжках, все ее описания кажутся абстрактными и общими. А вот глядя на этого человека, я увидел, что такое подлинно смириться – от слова «мир». Он примирился и с Богом, и с собой, и с жизнью. Конечно, большой степени святости он не достиг, но, с другой стороны, что та-

кое это наше человеческое выражение «степень святости»? Кто может определить ее, кроме Самого Бога? А у Него свои меры.

– Но кроме прямого смысла – возвращения «с того света» – история Лазаря наверняка имеет еще и символическое измерение?

– Есть такой замечательный образ: на Луне нет чудес, потому что там нет людей. И мы можем это почувствовать – скажу страшную вещь! – даже не прибегая к Евангелию. Достаточно просто внимательно оценить происходящие чудеса сквозь призму собственной совести, чтобы увидеть – чудо всегда имеет антропологическое направление: от Бога – к человеку. Не к цветку, не к дереву, не к светилу, не к какому-то неодушевленному объекту или отвлеченному механическому закону Господь обращается с чудом, а именно к нашему человеческому сердцу. Чудо возникает там, где есть человек.

И это принципиально важный момент для понимания феномена чуда вообще. Потому что дело нашего спасения, наша вера, наша Церковь – все это об отношениях Бога и человека. Евангелие – книга не только про Бога. И не только про человека. Это книга про их отношения, их встречу, их взаимодействие. Про их совместную жизнь. Все Священное Писание говорит о том, что Бог и человек – родня на генетическом уровне, и поэтому мы имеем право обращаться к

Нему со словами «Отче наш».

Если бы Библия была книгой только про Бога, мы имели бы очередную книгу в ряду мифических эпосов народов мира. Вроде «Махабхараты»¹⁵: разные боги с невыговариваемыми именами что-то делают где-то на пятом или шестом небе. Читать, должно быть, интересно и увлекательно, но какое отношение это имеет ко мне, живущему здесь и сейчас? Ко мне это может иметь отношение, только если я Бога очеловечу, если Он близок ко мне.

И посмотрите: история религий, особенно если мы говорим о западной цивилизации, – это история того, как мир ждал пришествия Бога в мир. В дохристианской языческой религии можно найти эту интенцию. Греческая мифология, где аполлоны и афродиты путешествуют, ругаются, шутят, воюют, ложатся в постель с людьми и так далее, – что это, как не попытка богов очеловечить? Что это, как не попытка приблизиться к Богу, приблизив Бога к себе? Воспоминание о потерянном рае – о потерянном доме, о том, что мы с Богом родня и о том, что однажды мы снова должны встретиться, – все это коренится в самой природе человека.

И чем ближе, чем теснее мы соприкасаемся с Богом через Евангелие, тем больше мы слышим, что Господь хочет нам объяснить, зачем нужны чудеса.

Есть то, что под чудом понимаем мы. Есть то, как чудо

¹⁵ «Махабхарата» («Великое сказание о потомках Бхараты») – древнеиндийский эпос.

видит Бог. А вот возможность нашего понимания того, что Господь дает, – как всегда – посередине. В той точке, где завязывается диалог Творца и Его творения, как на знаменитой, «зацитированной» до дыр фреске Микеланджело¹⁶ «Сотворение мира», где палец Бога касается пальца Адама...

В нашем понимании чудо – это то, что превосходит законы природы. То, что нас потрясает и впечатляет. То, что мы не можем объяснить, но к чему мы тянемся. Наталья Леонидовна Трауберг¹⁷, замечательный переводчик и писатель, говорила, что если с нами происходят необъяснимые вещи, значит, мы видим только петельки и узелки с изнанки. Зайдя же с лицевой стороны, мы увидели бы ангела, который вышивает прекрасный узор, полный смысла. Словом, что для нас непонятно и сверхъестественно, для Бога – логично. Но мы все равно пытаемся найти необъяснимому объяснение. Это в человеческой природе – хотеть понять то, что не укладывается в рамки нашего жизненного опыта. Сразу встает вопрос: передо мной чудо – или это с головой у меня уже не все в порядке?

И вот тут Евангелие ставит перед нами острый вопрос. Я воспринимаю чудо как то, что нарушает естественные законы. Но что это за законы? Я воспринимаю чудо как то,

¹⁶ Микеланджело Буонарроти (1475–1564) – итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт, один из крупнейших мастеров эпохи Возрождения.

¹⁷ Наталья Леонидовна Трауберг (1928–2009) – советский и российский переводчик, эссеист, мемуарист.

что превосходит природу. Но что это за природа? Ведь наш мир с его законами и природой – падший... Удивительная вещь: ученые глубокомысленно исследуют закономерности этого мира, разбирают его на части и снова складывают во-едино – и я с огромным уважением отношусь к их научному и интеллектуальному подвигу, – но тем не менее изучают-то они падшую природу. Бог создавал мир прекрасным – и до сих пор в нем много признаков того, что он и вправду Божье творение. Но многое вполне подтверждает его падшестъ и испорченность. А теперь давайте на этом фоне задумаемся о чуде: то, что мы считаем не соответствующим законам природы, не соответствует в действительности чему-то падшему и испорченному.

И сердце человека поневоле это чувствует. Поэтому-то чудеса для нас – это что-то замечательное. Ведь будь оно иначе, будь мы уверены, что чудо нарушает что-то истинное и незыблемое, человек боялся бы чудес. Но почему-то не боится. Да, бывает впечатлен, поражен, может даже испытывать страх – но это тот страх, который в Церкви называют «страхом Божиим». То есть осознание свой малости перед Божиим величием.

Меня в свое время поразил рассказ одного путешественника. Он плыл ночью на лодке по морю – и вдруг перед ним всплыл кит. Кит просто плыл по своим делам и ничего путешественнику не сделал. Но можно вообразить, что ты испытываешь, когда в ночном бескрайнем море перед тобой

вдруг встает такая «гора» – и ты вдруг чувствуешь свою ничтожность...

Такое чувство при столкновении с чудом испытывает даже не просвещенный Евангелием человек. Он ясно видит, что, во-первых, что-то происходит именно с ним – то есть направлено лично на него. А во-вторых, это что-то – и великое, и благое. И в этот момент ты – возможно, впервые в жизни – задумываешься. Законы природы, которые я считал незыблемыми, – хороши ли они? Надо ли за них так уж «держаться»? Вот передо мной чудо исцеления – и я начинаю понимать, что болезнь – это неправильно, потому что, раз существуют чудесные выздоровления, значит, Бог не сотворил мир для смерти и тления.

Чудеса – это то, как в наш мир там и тут пробиваются иные законы – законы Божьего Царства. Не как некой области на карте, а как *царствования* Бога в нашей жизни. Бог во плоти приходит к людям и через чудеса объясняет, каковы законы Его Царства. В том числе и через чудо воскрешения Лазаря: в Царствии Божиим нет смерти.

А еще – возвращаясь к тому, что Христос «прослезился», – это чудо любви, сострадания и жалости. А это и есть законы, по которым живут в Божием Царстве.

И люди, пораженные воскрешением и, может быть, не готовые сразу же принять его разумом, – сердцем все равно чувствуют, что это правильно и по-настоящему.

– Любопытная вещь: далеко не все те, кому в жизни бывает явлено чудо, тут же обращаются к Богу. Как, должно быть, далеко не все, кто увидел воскресшего Лазаря, тут же оставили всё и последовали за Христом.

– Конечно. Но избавление от смерти, исцеление от греха, преобразование падшего мира – все это не происходит мгновенно. Сложные процессы вообще не происходят быстро – это просто медицинский факт. Невозможно взять больного, запихать в него ведро таблеток – и через минуту он станет здоровым. Лечить нужно постепенно. Человек должен дорасти до Царства. А Господь ждет – Он же любит нас и не даст нам погибнуть по дороге. Но процесс перемен действительно очень болезненный. Это неизбежно. Помните, как в «Хрониках Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса¹⁸ Аслан срывал с Юстаса, превратившегося в дракона, семь шкур, пока тот снова не стал человеком?

В этом смысле Церковь – и вправду больница, в которой происходит перерождение человека в «новую тварь». Из человекообразного существа мы становимся собственно людьми – самими собой. Любое лечение трудно и неприятно. И, приходя в Церковь, человек вынужден поставить перед собой серьезный вопрос: а хочу ли я измениться?

И здесь, кстати, должно возникать самое важное: доверие

¹⁸ Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) – английский и ирландский писатель, филолог, протестантский богослов. Мировую славу Льюису принесла серия книг в жанре фэнтези «Хроники Нарнии».

пастыря к пришедшему человеку. Проблема такого доверия, на мой взгляд, – вообще один из главных пастырских вопросов в России сегодня. Мы, священники, часто себя считаем «квалифицированными специалистами», а людей, которые к нам приходят, таким объектом воздействия, который сам ни на что не способен. Мы ему не доверяем. А в нем на самом деле всё есть. Например, вера – слабая или сильная. Но кто это должен определить? У меня самого-то вера сильная или слабая, если разобраться? В человеке есть живая совесть, с помощью которой он способен что-то понять – и не просто поверить в чудо, но – что важнее – принять его. Сделать кирпичиком, на котором можно дальше строить дорогу.

– А в чем принципиальная разница между верой в чудо и его принятием?

– Если ваш вопрос переформулировать, он будет звучать так: как жить после воскрешения Лазаря?

Философ Мартин Бубер¹⁹ в своей работе «Два образа веры» говорил примерно об этом. Он сравнивал значения двух слов «вера». Есть греческое «пистис» – вера как знание, уверенность в некоторой информации: вот я прочел христианский Символ веры – и решил с ним согласиться. А есть еврейское слово «эмуна» – вера как доверие, как верность и преданность. Ребенок верит своей матери не потому, что прочитал о ней что-то убедительное, и не потому, что его ка-

¹⁹ Мартин Бубер (1878–1965) – еврейский экзистенциальный философ.

техизировали. Нет, он просто ей доверяет. Так к Богу тянулся ветхозаветный праведный Иов, на которого Господь – испытывая его веру – обрушил все возможные несчастья. Иову говорили: ну и где твой Бог? Бросай уже эту идею, живи нормальной жизнью! А Иов все равно к Богу тянулся и вопрошал: «За что мне все эти несчастья, Господи?» Бог ответил: «Был ли ты со Мной, когда Я творил мир? Можешь ли ты знать Промысл?» Казалось бы, Бог не ответил Иову, как мы сказали бы, по существу – не объяснил причину несчастий. Но Иова такой ответ полностью утешил, потому что уверил: Бог есть, вот Он, живой, предо мною. А это главное. Человек нуждается в Боге как живой части своей реальности.

Вот происходит чудо – и значит, мы должны сформировать к нему какое-то отношение. Какое место оно теперь будет занимать в нашей жизни? Вообразите себе весь контекст истории о воскрешении Лазаря. Человек четыре дня лежал во гробе, а затем встал. Вот его жена, его дети, его друзья – они в радости и смятении. Они в шоке! Шок длится день, два, неделю, но дальше-то нужно жить опять. Воскресшего Лазаря – мужа, отца, друга – словом, это ходячее чудо надо впустить в свою жизнь и сделать ее неотъемлемой частью.

– И как после этого жить дальше?

– Задуматься, что через чудо Господь призывает нас измениться. Мы знаем, что Лазарь и сам изменился – и позже стал епископом на Кипре. Но вопрос об изменении себя чудо

ставит и перед нами, наблюдателями. Евангелие объясняет, что Господь не совершал чудес как фокусов, цель которых – поразить воображение. Он даже не имел в виду никакого педагогического момента. В Писании есть заковыристые места, где такой момент в действиях Бога можно считать. Например, зачем погибли дети ветхозаветного праведника Иова? Сам Иов – страдал, и Господь так испытывал его веру. Но дети-то за что? Говорят, это педагогический момент – наглядное наказание как демонстрация Божьей силы. Но Христос так не делает. Он не манипулятор, который готов жертвовать живыми существами, чтобы нам что-то показать. Нет, для Господа ценен каждый человек.

– Получается, «новозаветный Бог» добрее «ветхозаветного»?

– Понимаю, что вопрос провокационный, и идет он сквозь века. Можно вспомнить еретика Маркиона²⁰, который вообще отрицал Ветхий Завет: дескать, он нам для спасения не нужен, давайте пользоваться только Новым. Но Церковь все же признала ересью это учение, несмотря на всю его логичность и простоту.

В вашем вопросе некорректна сама постановка.

Нет «ветхозаветного Бога» и «новозаветного Бога» – даже как фигур речи. Бог Един. Иначе получается, что было время, когда Бог был жесток, а потом вдруг раз – и стал добрым.

²⁰ Маркион (ок. 85 – ок. 160) – христианский богослов, ересиарх, гностик.

Безусловно, если внимательно читать Библию, нельзя не заметить разницу – и стилистическую, и смысловую – между Ветхим и Новым Заветами. И дело тут опять-таки в том, что жизнь Бога неотделима от жизни человека. Поэтому чтобы понять Бога в Ветхом Завете, нужно понять ветхозаветных людей. Они совсем не такие, как участники событий Нового Завета. И мы из сегодняшнего дня читаем Ветхий Завет уже все-таки «новозаветными глазами».

А кроме того, есть вещи – в том числе и в Ветхом Завете – которые невозможно понять, если сам читатель не включен в общение с Богом, если он посторонний. Например, эпизод, где Авраам готовится принести в жертву Богу своего любимого сына Исаака²¹. Это же дикость! А с точки зрения ювенальной юстиции, и вовсе преступление. Но у Авраама и Бога – отношения, близкие отношения. И понять, что в них происходит, можно только посмотрев на ситуацию глазами Авраама – то есть изнутри отношений с Богом как с твоим Творцом, Отцом и Тем, Кто наполняет смыслом всю твою жизнь.

Все, что мы говорим о чудесах новозаветных, вполне применимо и к ветхозаветным. Ведь Царство Божие одно и то же. Бог долго жил рядом с человеком, пытаясь войти в его жизнь, и ждал, пока человек не изменится настолько, чтобы для этого открылась хоть щелочка, хоть один маленький просвет. И поэтому Новый Завет в каком-то смысле начина-

²¹ См.: Быт. 22: 1–19.

ется с Благовещения.

В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему (Лк. 1: 26–38).

Господь отправляет ангела к человеку и, образно говоря, смотрит, откроется ли «портал» – смогу ли Я прийти в этот мир и стать человеком, чтобы спасти человечество. И да, вся многовековая история иудейского народа – с гонениями,

пророками, войнами, победами и знамениями – нужна была для того, чтобы одна благочестивая иудейка по имени Мария добровольно и свободно смирилась перед Богом и сказала: *Се, раба Господня; да будет мне по слову Твоему* (Лк. 1: 38).

– Вы снова возвращаетесь к теме отношений человека и Бога, акцентируя внимание именно на человеке. Как тут не оступиться и не поставить человека в центр мира, сделать его «мерой всех вещей», как это происходит сегодня, в то время как подлинная мера всех вещей – это Христос?

– Идея человека как меры всех вещей взята, конечно же, из христианской антропологии. Однажды я включил телевизор и застал лекцию знаменитого пушкиниста Валентина Непомнящего²². Меня зацепила одна его мысль – простая, но сегодня ее многие сочтут совершенно неполиткорректной. Мы смотрим американские боевики, главная мысль которых – это как раз то, что человек превыше всего и самая большая ценность – это его жизнь. «Простите, – говорит Непомнящий, – а как же тогда те ценности, ради которых человек своей жизнью жертвует?»

Сегодня под человеком как мерой всех вещей понимают, говоря на языке христианства, его страсти, его похоти, все его «хотелки». И как только обществу напоминают о том, что человек еще что-то должен Богу и своему ближнему, на-

²² Валентин Семенович Непомнящий (род. 1934) – российский литературовед, доктор филологических наук, специалист по творчеству А. С. Пушкина.

чинается истерика, потому что удобная логика рушится. А христианское понимание этой фразы подразумевает запятую и продолжение: «...человек – мера всех вещей, которые Бог дал человеку в пользование».

Человек – мера всех вещей только в том случае, если для него самого мера – Бог.

О том, что чуда нет, или О том, что чудо есть

Беседа с протоиереем Павлом Великановым, настоятелем Пятницкого подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде, доцентом Московской духовной академии

«По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегушие пришли в трепет и стали, как мертвые; Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятого; Его нет здесь — Он воскрес, как сказал».

Евангелие от Матфея, 28: 1–6

В разговоре о чуде на ум приходит мысль блаженного Августина: читая Евангелие, мы признаем безусловным чудом приумножение хлебов, но почему-то не считаем чудом само произрастание хлеба. А ведь и первое, и второе — от Бога, причем в равной степени. И вообще все в жизни устроено Богом — и хлеб, и земля, и вода... В этом смысле слово «чу-

до» описывает просто присутствие Бога в жизни человека.

Получается, «чудо» в узко привычном понимании – как необъяснимое нарушение порядка вещей – это слово из лексикона атеистов? Ведь в том, что Бог по Своему усмотрению «порядком вещей» управляет, ничего необъяснимого нет.

И значит – следующий логический шаг – «чуда» вовсе не существует, потому что присутствие Бога в нашей жизни – это самое нормальное, что человеку от сотворения мира уготовано?

Наверное, если бы у Бога все было так логически линейно, то не было бы в нашем языке слова «чудо». И не было бы в Евангелии всех тех многочисленных случаев, которые мы обсуждали на страницах этой книги и, как ни крути, называли «чудесами» – хотя бы в силу языковой привычки. Потому что если прямо спросят: «Признаете ли вы приумножение хлебов чудом?» – язык не повернется ответить: «Нет». То же самое – и про слугу капернаумского сотника, и про четырех друзей, спустивших расслабленного через крышу, и про призвание апостола Петра, и про исцеление у Овечьей купели, и про воскрешение Лазаря...

А может ли в одном ряду с ними стоять Воскресение Христа – главное событие в христианской истории, определяющее саму суть нашей веры? Как связаны вера в чудо – и вера в Бога?

– Отец Павел, уместно ли в принципе говорить о Воскресении Христа как о чуде?

– А с какой точки зрения мы смотрим? С точки зрения человека, который привык, что все люди умирают и это нормально? Или с точки зрения Бога, Который не создавал нас для смерти?

Церковь – не фабрика чудес. И центральное событие церковной жизни человека – Таинство Евхаристии, которое под формальные критерии чуда подошло бы: были хлеб и вино, а стали Плоть и Кровь Христа, – мы чудом тем не менее не называем. А почему? Во-первых, это то, что совершается по расписанию, а значит, целиком и полностью зависит от воли тех людей, которые в совершении «чуда» участвуют. А во-вторых – и это главное, – видимым образом при Евхаристии абсолютно ничего не происходит. Все остается прежним: хлеб и вино на вкус, запах и цвет остаются хлебом и вином. И в то же время мы чувствуем, что по расписанию и без особых внешних примет происходит самое значимое и самое великое событие в жизни любого человека. Возникает вопрос: почему все именно так? Ведь как было бы здорово, если бы в момент, предшествующий пресуществлению Святых Даров, храм начинал бы трястись мелкой дрожью, появлялись бы какие-то всполохи и молнии, начинали бы звучать нездешние голоса, на всех нападал бы священный трепет, и все понимали бы, что творится что-то, требующее к себе особого отношения. Как было бы эффектно! Но ничего такого не происходит. Причем не только у простых священников, но и у святых. Известны лишь единичные случаи,

когда совершение Евхаристии святыми сопровождалось какими-то явными чудесными свидетельствами (например, когда причащался Преподобный Сергей Радонежский²³, сослужившие с ним видели, как в потир сходил небесный огонь), но в остальном – совершенно обычная история.

Мне кажется, в такой «обычности» есть очень глубокий и очень простой смысл: для Бога жизнь, которой мы живем, – такая кособокая, наполненная человеческой неправдой, грехами, страстями – имеет огромную ценность. Возможно, гораздо большую, чем для нас самих. И только в ситуациях, когда по-другому невозможно, Господь допускает чудо как экстренное, ненормальное вмешательство в эту жизнь.

И если с этой точки зрения посмотреть на Воскресение Христа, то оно никакое не чудо. Это то, что было в Божественном замысле с самого начала. Протопоп Аввакум²⁴ пишет о Предвечном Совете Святой Троицы, где Бог Сын спрашивает Бога Отца, стоит ли творить этот мир, если ради него придется умирать. Отец Павел Флоренский²⁵ пишет, что весь мир сотворен Крестом, что Крест – принцип бытия всего

²³ Преподобный Сергей, игумен Радонежский, всея России чудотворец (1314–1392) – основатель и игумен Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева Лавра), преобразователь монашества в Северной Руси. Один из наиболее почитаемых русских святых.

²⁴ Протопоп Аввакум (1620–1682) – противник церковной реформы Патриарха Никона, духовный писатель.

²⁵ Протоиерей Павел Флоренский (1882–1937) – русский богослов, религиозный философ, ученый, поэт.

сущего. Но тут мы должны четко понимать, что не просто Крест лежит в основе мира, но Крест ради Воскресения. И если с нашей точки зрения, – как падших людей, кривых и косых уродцев, Воскресение Христово – это чудо, как что-то ненормальное, то с точки зрения Бога Воскресение – это единственное нормальное, единственное правильное, что было уготовано человеку. Это путь, задуманный Богом для каждого из нас.

– Как вам кажется, есть ли у человека право на чудо?

– Право-то у человека, конечно, есть. Но это не признак его силы и возможностей. Это признак его слабости и немощи. Если он требует чуда, значит, у него серьезные проблемы – не в материальной плоскости, а в отношениях с Богом. Если без этого чуда человек уперся в тупик и дальше никуда не может двинуться, значит, есть проблема внутреннего поиска своего места в Божьем мире.

Помните евангельский сюжет об отце, который привел ко Христу своего бесноватого сына?

Один из народа сказал в ответ: Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он выпускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли. Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И привели его к Нему. Как скоро бесноватый

увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену. И спросил Иисус отца его: как давно это случилось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию. Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал (Мк. 9: 17–27).

Если бы у отца не было проблем с верой, ему не надо было бы кричать: «Верую, Господи, помоги моему неверию!» Мы видим, что для отца принципиально важно то, что острый жизненный кризис дает шанс прорваться сквозь оболочку собственного неверия. Иначе вся жизнь его превращается в сплошное мучение. Сын страдает – и отец никакого смысла в этом страдании не видит. А когда бессмысленно – тогда мучительно.

Помните, у Тургенева рассказ «Живые мощи» – про женщину, которая много лет лежит без движения и все никак не умирает. Помещик предлагает перевезти ее с хутора в больницу, где ей помогут. Она сначала колеблется, а потом все-

таким образом решает: нет, не надо. В этом немощем состоянии она обретает реальную, для нее самой ощутимую духовную пользу. Эта немощь ей нужна. Она, возможно, несчастнейшая из всех людей на земле, но не молит Бога о чуде исцеления, хотя, казалось бы, Сам Бог велел, простите за каламбур. Почему?

Безумная она, что ли? Отнюдь. Она сильная.

И сила ее в том, что она не хочет своей волей вторгаться в волю Божию, она не хочет свое желание противопоставлять тому замыслу, который есть у Бога о ней самой. Она просто со смирением, с верой, с преданностью вверяет себя в руки Божии – и пусть Он лепит из нее то, что Он хочет, а не то, что хочет она, как бы больно и тяжело ей ни было.

Словом, право на чудо у нас, конечно же, есть.

Но не чуда мы должны просить у Бога. У святителя Игнатия (Брянчанинова)²⁶ есть произведение «О чудесах Христовых». В нем очень правильно расставлены акценты: смысл чуда – не в самом факте совершения чуда, а в том, чтобы подтолкнуть к Богу тех, кто не смог бы иначе в Него уверовать. Поэтому во времена первых христиан чудеса были нужны не верующим, а неверующим. Чудо – ступенька, которую нужно перешагнуть, чтобы подняться выше.

При этом чудо никогда не бывает стопроцентно неопро-

²⁶ Святитель Игнатий Брянчанинов (1807–1867) – богослов, духовный писатель, проповедник, с 1857 г. епископ Кавказский и Черноморский. Причислен к лику святых в 1988 г.

вержимо. Даже в самом явном и «необъяснимом» чуде Господь все равно оставляет человеку возможность – лазейку – сохранить свое неверие. Я вправе решить: да, то, что я вижу, – нарушение законов природы, но могу предположить, что через сто-двести лет ученые это объяснят. Господь дает нам такую возможность, и в этом проявляется Его огромная милость и любовь. Он человека не насилует и силком в Царство Небесное не тащит. Поэтому чудо – это лишь повод добровольно и свободно обратиться к Богу. Но именно добровольно и свободно. Господь может окружить нас чудесами и обстоятельствами, которые будут цеплять, вдохновлять, будоражить, но, сможем ли мы увидеть за всем этим Бога и сделать шаг Ему навстречу – зависит только от нас. Святитель Климент Александрийский называет Бога величайшим педагогом. Мы вправе добавить, что Он еще и деликатнейший педагог. Он не творит чудо, чтобы припереть человека к стенке и сказать: «Видишь? А теперь быстро поверил в Бога!» Нет, диктата чуда не существует.

– Идти к Богу, не реагируя на чудеса или не придавая им значения, – это ведь, наверное, достаточно высокая духовная планка, до которой нужно еще дорасти...

– На мой взгляд, это единственно нормальная духовная планка, на которой могут находиться отношения человека и Бога.

Одна журналистка рассказала мне совершенно удивитель-

ную историю. Она писала репортаж о принесении в Москву Пояса Богородицы, стояла в многочасовой очереди и имела возможность понаблюдать, что происходит с людьми: как меняется их мотивация и ощущения по мере того, как они в этой очереди стоят. И оказывается – потрясающая вещь! – через три-четыре часа стояния в людях происходит какое-то качественное изменение. Изначально они приходили с вполне житейскими «запросами», причем едва ли не каждый второй, что любопытно, собирался просить об успешной учебе детей. Среди других «запросов» были здоровье и семейное благополучие. Но через три-четыре часа их концентрация на личных эгоистических «запросах» к Богу уступала месту чему-то новому. Люди начинали ощущать себя не разрозненным собранием отчужденных личностей, а единым цельным организмом. Очередь обретала внутреннюю целостность.

Я слушал эту журналистку и думал, что это именно то, чего нам катастрофически не хватает в приходской жизни. Ведь для людей в очереди это, метафорически говоря, и было литургией – общим делом. Через три-четыре часа стояния они преобразились в совершенно новую общность. И когда подходили к Поясу, они испытывали счастье и радость не оттого, что получили ответы на свои просьбы, а оттого, что внутри у них родилось какое-то новое состояние, а все второстепенное отсеялось само собой. Это новое вышло на первый план и стало тем, ради чего вообще стоило приходить и стоять в очереди.

Здесь для меня скрыта некая глубинная правда. Бог не запрещает нам молиться и просить Его о чем-то, выстраивать свое представление о том, что нам сейчас нужно. Но в конечном итоге все это ради того, чтобы прийти именно к Нему. Наши просьбы должны Им начинаться и Им заканчиваться.

– Вы строго относитесь к чудесам, но наверняка они случались и с вами. Как вы их воспринимали?

– Я получал чудеса как дар, о котором не просил.

Когда я был еще совсем молодым преподавателем, финансово все было достаточно сложно. Мы с матушкой поселились в свежестроенном доме, в нем не было ни отопления, ни удобств. И тут появилась возможность провести газ. Оказалось, чтобы это сделать, я должен был заплатить две тысячи долларов соседу только за то, чтобы он дал согласие. Таких денег взять было неоткуда. Ситуация тупиковая. В это же время меня пригласили в составе небольшой делегации в командировку в одну из Поместных Православных Церквей. И вот когда мы уже уезжали, мне неожиданно вручили конверт – просто как жест доброй воли со стороны хозяев. У меня даже в мыслях не было, что за поездку заплатят хоть что-то. Разворачиваю конверт в номере гостиницы – а там ровно две тысячи долларов... Мне трудно передать, что я почувствовал в тот момент... Кажется, я очень точно понял ощущения апостола Петра, когда он всю ночь ловил рыбу,

ничего не поймал, а наутро Христос велел снова закинуть сети – и рыбаки наловили столько рыбы, что две лодки стали тонуть под ее тяжестью. И как повествует Евангелие, Петр закричал: *Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных...* (Лк. 5: 8–9). Такой же ужас напал на меня! От неверия. От того, что ты до этого момента жил и не замечал, что существуешь в пространстве постоянной Божьей милости, и поэтому такие явные и «чудесные» ее проявления ввергают тебя в шок. Как мог ты раньше не задумываться и не верить, что Господь настолько близко, что для Него наши житейские сложности имеют архиважное значение – не меньшее, чем для нас самих.

Другое чудо связано с моей ныне уже покойной супругой, которая четыре года боролась с тяжелой онкологической болезнью. Опухоль стабильно вырастала в два раза за месяц, но в какой-то момент рост вдруг остановился. Никто не мог понять, почему. Врач сказал нам: «Не знаю, что вы делали, но, пожалуйста, продолжайте делать то же самое. Потому что это явное чудо». И вот два-три месяца опухоль не росла. А потом – снова стала увеличиваться. Что это было? С медицинской точки зрения никто объяснить не мог. Но для меня это стало прямым свидетельством Божьего присутствия в нашей жизни. Господь показал, что Он здесь и Он – хозяин ситуации. Если Ему надо, если Он считает это нужным и правильным, Он может остановить рост опухоли. Если Он

этого не делает, значит, есть на то Его воля – и нельзя лезть поперек. Я воспринял это именно так. Кто я такой, чтобы идти против Бога?

Конечно же, мы молились. Как сказал мне один архиерей, «за вашу матушку половина Русской Православной Церкви молится». И у меня нет никаких сомнений, что только благодаря этим молитвам она умерла не через месяц после постановки диагноза, а через четыре года. Но молиться – это ведь не то же самое, что сказать: «Господи, пусть будет либо по-моему, либо никак!» Или втиснуть всю свою жизнь в эту молитву: мол, Господи, если не будет так, как я прошу, я Тебе назло с места не сойду и умру в этом подвиге. Что я – умнее Бога?

Молитва за ближнего – это подлинное проявление любви. И тут возникает очень тонкий момент. Что значит любовь к человеку? Если я люблю, чего я – прежде всего – ему желаю? Спасения. А что, если эта болезнь, по Божьему замыслу, – единственный правильный путь, чтобы человек спасся. И что – я должен встать и сказать: «Нет, Господи, обожди, мне жена нужна»?

– Кроме смирения в духовной жизни существует еще и дерзновение. Есть известная евангельская максима: «Стучите, и отворят вам». Как вы ее понимаете?

– Стучите – и вам действительно отворят. Но увидеть за дверью вы можете совершенно не то, что предполагали. Бог

– это не мальчик на побегушках, который спешит исполнять ваши поручения. Да, Он отворит дверь, в которую вы стучитесь, в знак того, что вас слышат, с вами общаются, на вас реагируют, у вас с Богом – отношения.

Это очень тонкий момент. Потому что, с одной стороны, есть то, о чем я сказал. Но с другой – Богу интересно смотреть, что человек просит. Как любому отцу очень интересно наблюдать за своими детьми. Мне, например, интересно смотреть, как меняются приоритеты и предпочтения моих детей, как идет внутренний рост. И разумный родитель вряд ли станет навязывать ребенку свое мнение: «Ты должен стать хорошим юристом!» Точно так же и Богу интересно, что человек выберет.

И тут уже возникает коллизия: как сочетается человеческая свобода и Божественное провидение? На одном конце – идея свободной воли человека, а на другом – то, что, по словам апостола Павла, мы *пленим всякое помышление в послушание Христу* (2 Кор. 10: 5). С одной стороны, у Бога о каждом из нас есть план. С другой, если мы сами ничего не выбираем, если нам ничего не надо, если у нас сформировалось стойкое хроническое безразличие ко всему, что происходит, – значит, нас просто нет. Мы становимся людьми по мере выбора своих предпочтений, по мере этого ежедневного и даже ежесекундного выбора: из любой ситуации вывернуть к добру или ко злу. До последнего предсмертного момента человек совершает выбор. Забери у нас возможность

выбирать – и у нас не окажется постоянного тренажера для души, для сердца, для мозга, для воли. И в то же время, как ты ни выбирай, как ни изменяй свой путь, Господь все равно лучше тебя знает, что тебе надо и каким путем, в каком амплуа, в каком статусе тебе нужно идти. Более того, даже если ты выбираешь неправильный путь, Бог все равно делает так, чтобы в конечном итоге этот путь оказался именно таким, каким Господь считает нужным тебя провести.

И как после всего этого язык повернется просить о чуде?

– А что в этом такого неправильного?

– Ты живешь с Богом и ощущаешь, что Господь – вот здесь, на кончиках пальцев, в каждой мелочи, в каждой секунде, все Им пропитано, и все, что с тобой происходит, непрестанно свидетельствует о Его попечении, Его любви, Его заботе... Неужели этого недостаточно и нам нужно еще какое-то чудо?

Вообразите себе семью, где ребенок страдает тяжелым заболеванием пищеварительной системы и родители всю жизнь тратят на то, чтобы кормить ребенка именно теми продуктами, которые позволяют ему жить и выздороветь. Ребенок это понимает, но вдруг говорит: «Хочу пирожное. Смертельно хочу! Что хотите делайте – но дайте мне пирожное». Родители, конечно, могут дать ему это пирожное – и при этом предвидеть, что ребенку станет сильно хуже и придется еще больше вкладывать сил, времени и денег, чтобы

нейтрализовать этот результат исполнения свободной воли человека. Но ведь каким же несмысленным надо быть, чтобы от родителей в такой ситуации требовать пирожного! Нужно жить в абсолютно своем непроницаемом мире, не видеть попечения родителей, не видеть собственной болезни и считать, что вся жизнь крутится вокруг него одного. Возможно, я глубоко ошибаюсь, но требования чуда у Бога кажется мне чем-то таким.

У преподобного Исаака Сирина встречается такая мысль, что только по немощи ума человеческого Бог заповедал нам просить у Него хлеба насущного, а тем, кто «совершенны ведением и здравы душой», Христос говорит: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6: 33). Эта мысль в свое время меня просто перевернула. Ведь действительно, какой смысл просить что-либо у Бога, когда мы и так живем в пространстве постоянного Божьего попечения?

– Так что же – у Бога вообще ничего просить не надо? А если тяжелая ситуация? Вы ведь сами рассказали, что молились о выздоровлении супруги...

– Конечно, молился! Но тут я всегда вспоминаю мысль митрополита Антония Сурожского²⁷, которую встретил в од-

²⁷ Антоний (Блум, 1914–2003) – выдающийся просветитель, богослов, известный проповедник, с 1962 г. – архиепископ, с 1965 г. – митрополит Сурожской епархии РПЦ в Великобритании.

ной из его проповедей: дескать, у меня с Богом такая договоренность – я ничего не прошу для себя, но прошу для других. Конечно, Господь хочет, чтобы мы молились и просили о близких, потому что это – проявление нашей любви.

Но тут есть и другой интересный момент. Нельзя молитву понимать только как запрос. Запрос к Богу – это всего лишь определенная разновидность молитвы, и далеко не самая совершенная. Смысл молитвы – в общении человека с Богом. Может показаться, что святые отцы и подвижники благочестия не молились вовсе: не вставали на молитву, не просили Бога о том-то и о том-то. Просто вся их жизнь – каждая секунда – и так была хождением перед Богом. Они ни на мгновение не выпускали Бога из своего сердца и своего сознания – это и была их молитва, естественная, как дыхание. Точно так же, как любящим супругам не нужно постоянно разговаривать друг с другом. Они просто живут вместе – и их поступки, их невыраженные мысли и слова, весь ритм их жизни отражают их любовь.

Поэтому молитва – повторяюсь – не запрос. Молитва – это в идеале принесение себя целиком в жертву Богу. Вот есть монах-затворник – казалось бы, какая от него польза для мира? Принято считать, что у него нужно просить, чтобы о нас помолился, потому что он, дескать, ближе к Богу и у него «рычагов воздействия» больше. Может, оно и так, но смысл его затворничества – совсем в другом. Он угождает Богу тем, что постоянно находится в состоянии, образно говоря, мак-

симальной «синхронизации» с Ним, и оказывает неоценимую услугу для всех людей вообще тем фактом, что в нашем земном мире – в этом царстве хаоса и греха, где все идет совсем не так, как Бог хочет, и идет не потому, что Он так задумал, а потому, что есть мы и с нами, такими уродцами, ничего не поделаешь, хотя и уничтожить нас нельзя, потому что мы еще не совсем безнадежны, – словом, в этом царстве хаоса вдруг образуется островок, где все идет так, как Господом было для человека задумано. Молитва монаха-затворника – это своего рода представительство, реально дипломатическая миссия перед Богом.

Любопытно еще оценить интенсивность этой молитвы. Среди людей, с которыми мне доводилось общаться и которые для меня в той или иной мере олицетворяют святость, я ни разу не встречал такого, чтобы в какой-то тяжелой ситуации они, пытаясь чего-то у Бога выпросить, меняли ритм своей жизни – грубо говоря, решали: «Вот сейчас надо добавить столько земных поклонов в день и на столько-то увеличить молитвенное правило, и тогда все станет хорошо». Не было такого... И я не могу упрекнуть этих людей в безразличии или холодности. Так же не могу сказать, что им не хватает силы воли или не позволяет загрузка. И в этом, мне кажется, есть какая-то очень серьезная, глубинная правда. Когда человек уже живет в некоем приближении к идеалу, когда служит и молится каждый день и больше уже физически не смог бы – в этом есть доверие Богу. Ежедневно жить

так, как заповедано, гораздо важнее, чем провоцировать Бога «чудесным образом» вторгаться в нашу жизнь.

– Если мы чувствуем, что Бог проявляется во всем, в каждом движении жизни, нет ли здесь духовной опасности впасть в этакое «блаженное спокойствие» – все уже хорошо, Господь рядом? Где тогда место для внутреннего напряжения, для работы над собой?

– Когда человек успокаивается, это прекрасно.

Я не вижу ничего ненормального и противоречивого в том, что человек успокаивается. Находиться в мире с самим собой – это единственно правильное состояние. Возможность достичь внутреннего покоя, внутренней тишины – то, что в православной традиции называется «исихией», – это и отличает верующего от неверующего. Это базовая уверенность, что все в порядке. Тебя может скручивать от страстей, от гнева, от похоти – но это остается на поверхности. А в душе есть глубина, куда ты можешь в любой момент заглянуть и увериться, что мир – гармоничен. Потому что глубина – это Бог, это Церковь, это Христос, Который тебя *уже* спас. И все это неподвластно земным катаклизмам. Это больше них.

Но вы спросили о том, не превращается ли человек, который ощущает реальное Божие присутствие здесь и сейчас, в бездейтельного, безвластного, бессильного «пофигиста». Нет, ничего подобного. Наоборот: только тогда, когда чело-

век понимает предельную значимость каждого момента своей жизни и всего того материального, в чем он живет, – только тогда он может начать относиться к жизни правильно. То есть осознавать, что другого мира и другой жизни – не будет. У нас не будет с вами второго такого же интервью. Если будет – то совсем другое. Момент, который вы переживаете здесь и сейчас, со всеми его возможностями совершения выбора, – никогда не повторится. А значит, это самый важный и самый значимый момент в вашей жизни, потому что «есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». Из этого понимания исключительности каждого мгновения, каждого человека, каждого предмета проистекает предельная напряженность жизни. Не расслабленность, не успокоенность, а именно предельно напряженная жизнь.

Вообразите, летит лайнер. Пассажиры расслаблены – у них все хорошо. Но ведь пилот и штурман чувствуют себя совершенно по-другому. У них одно неправильное движение – и все, сотни смертей. И человек, который не ощущает ценности каждого мгновения, напоминает пассажира – «летим, едим, читаем книжку, все хорошо». А тот, кто ощущает себя постоянно на гребне соприкосновения человеческой жизни и Божьей милости, напоминает пилота: он не может откинуться на спинку кресла и задремать. Потому что каждую секунду он несет ответственность.

Такая внутренняя напряженность – неизбежное следствие реальности Божьего присутствия в мире. Человек понимает,

что ему и надо «дергаться» именно потому, что все нормально. Ведь если не напрячься в текущий момент, в следующий нормально ничего уже не будет.

– Одни говорят: христианство – это исправление грехов, без которого невозможна радость. Другие говорят: христианство – это радость, для достижения которой необходимо исправление грехов. Мысль одна и та же – акценты разные. Понятно, что это не бинарная оппозиция, а просто две разные части спектра...

– Правда есть и там, и там, а первичен в христианстве – Христос. Оно христоцентрично, не «грехоцентрично» и не «радостецентрично». А когда мы говорим о Христе, мы говорим о чем-то из другого измерения, о чем-то, что не поддается расчленению на составляющие. Потому что во Христе – всё.

Что такое личность Христа? Мне кажется, самые глубокие и самые по-христиански правильные ощущения человек испытывает даже не тогда, когда поет «Христос Воскресе», а когда в дни Страстной недели стоит в храме и вместе со Спасителем идет на Голгофу. Что в этом? Осознание своего греха? Да, потому что мы видим, какова страшная цена его искупления. Чувство радости? Тоже да. И дело даже не в том, что мы знаем о грядущем Воскресении. Просто в самом Крестном пути сквозь каждое событие и каждую молитву пробивается свет Божьего Промысла о нас – и значит, Бо-

жьей любви. Чувство греха и чувство радости причудливым образом соединены. И нельзя одно отбросить, а другое признать главенствующим.

Один близкий мне человек недавно произнес фразу, которая меня до глубины души тронула: если и будет мне прощение, то оно будет с огромными слезами. То есть он понимает, что по большому счету простить его нельзя. И в то же время точно знает, что его простят. Объективность и очевидность этого факта не может не родить в нем слез покаяния и глубинной благодарности. А через них – устремленности к Богу.

Помните евангельский эпизод, где Христос уже после Воскресения является апостолам:

После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском. Явился же так: были вместе Симон Петр, и Фома, называемый Близнец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего. А когда уже настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь,

опоясался одеждою, – ибо он был наг, – и бросился в море (Ин. 21: 1–7).

Стоило Петру услышать, что Господь воскрес, – все, он оставляет рыбу, которую с таким трудом пытался ловить всю ночь, и бросается ко Христу. Если рядом Господь, то Петру уже ничего другого не надо. Ведь все самое главное – в Нем Самом. И это состояние души, в которое каждому христианину – а может быть, и каждому человеку вообще – хочется прийти. Это состояние, ради которого Господь нас и создавал: любить Его не за то, что Он делает, а за то, что Он – есть.

Об авторе

Константин Мацан журналист, публицист

Родился в 1986 году в Москве. В 2009 году окончил факультет международной журналистики МГИМО. В 2006–2014 гг. – корреспондент журнала «Фома». Публиковался в журналах «Эксперт», «Огонек», газете «Культура». Сотруд-

начал с телеканалами О2 ТВ и «Радость моя». Автор программы «Частное мнение» на радио «Вера». С 2014 года – обозреватель телеканала «Царьград». Номинант на премию «Медиасоюза» в области печатной прессы «Искра».

Автор книги «Праздники, которые всегда с тобой. О православных праздниках и святых».

Об издательстве

Живи и верь

Для нас православное христианство – это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты и вечной погони за счастьем человек мечется в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо – это изменение человеческой души. От зла – к добру! От бессмысленности – к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!

www.nikeabooks.ru

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях!

Интересные события, участие в жизни издательства, возможность личного общения, новые друзья!

www.facebook.com/nikeabooks www.vk.com/nikeabooks
www.instagram.com/nikeabooks

Книги «Никеи» можно купить в нашем интер-

нет-магазин:

www.nikeabooks.ru